

Лавина Кёрки

Кинжал Призрака

16+

Лавина Кёрки

Кинжал призрака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54651922

SelfPub; 2020

Аннотация

Что самое сложное в бессмертной жизни? Найти ее смысл. Пройдите вместе с ассасином по имени Антрес путь длиною в тысячу лет. Какие испытания ему суждено преодолеть, в каких местах оказаться, сколько близких людей обрести и потерять, чтобы понять, ради чего стоит жить?

Содержание

11 век	4
13 век	24
15 век	46
18 век	85
20 век	104

11 век

Сильный, образующий плотную стену дождь, которые извергали из себя тяжелые иссиня черные тучи, был редкостью в тех краях. Обитатели горной крепости Аламута прятались от мощных, как стрелы врагов, капель. Лишь во внутреннем дворе на земле сидел юноша. Он сидел неподвижно, облокотившись о холодную стену. Из-за сильной лихорадки, парень не замечал ледяного дождя. Его губы дрожали. Он то и дело проваливался в короткий, длящийся не более нескольких минут сон. Антрес думал, внутренний жар скоро убьет его. У него уже не было сил даже на отчаяние. Он провел у ворот замка Старца Горы несколько недель. Его избивали, на него кричали. И вот теперь, когда он близок к осуществлению задуманного, его тело подводит его.

Рядом с ним стояла металлическая миска с размякшим хлебом. От голода у Антреса сводило желудок. Сделав над собой усилие, юноша потянулся за мерзким на вид куском. Он стал жадно жевать ставшим похожим на кашу хлеб. От еды Антресу стало чуть лучше. Он оглядел серые стены Аламута. Ему почудилось, будто сам Старец Горы наблюдает за ним через окно.

Антрес опустил свою ослабшую руку на землю. Но он не почувствовал ударов злого дождя по его раскрытой ладони. Юноша видел, как вода проходит сквозь него. В теле ощуща-

лась странная легкость. Потом в его глазах начало двоиться. Юноша стал постепенно проваливаться в освещаемый молниями туман. «Все. Конец», – с облегчением подумал Антрес, прежде, чем его глаза закрылись.

Он уже не мог видеть, как напротив него встал закутанный в черный плащ человек с длинной седой бородой. Несколько минут раздумий, и Старец приказал занести еле живого юношу внутрь.

Впоследствии ассасин по имени Антрес часто вспоминал день, когда его приняли в Орден. Он не понимал, почему Старец сжалился над ним, не дал ему издохнуть, как псу, под холодным дождем.

Разорвав тонкий шелковый шарф, стрела легко вошла в мягкую плоть. С тихим хрипом жертва схватилась за горло и начала медленно оседать. Шелк стал окрашиваться кровавым узором.

Понимая, что ранение вышло смертельным, Антрес не стал дожидаться, пока его жертва испустит дух. Ассасин бросил свой лук. Без него убежать с места убийства было гораздо удобней.

Антрес легко перепрыгнул на крышу соседнего дома. Охранники жертвы явно заметили его и наверняка намереваются схватить убийцу. Однако ассасин собирался выбраться живым из этой передраги.

Еще два прыжка, еще две крыши, и Антрес сиганул вниз. Его учили, как прыгнуть с высоты и не разбиться. Но каждый раз, когда убийца шагал в пустоту, он замечал, что его пальцы на руках перестают быть видимыми. Они словно хотели бы стать воздухом, вездесущим и прозрачным.

Приземлившись, Антрес огляделся по сторонам, решая куда бежать. Внимание ассасина привлек колышущийся на сквозняке посеревший кусок ткани. Приглядевшись, юноша заметил, что он своеобразная занавеска лишь прикрывает проход в дом.

Сквозняк нес из дома обжигающий воздух, полный аромата дров.

Кузня – догадался Антрес. И юркнул в дом.

Ассасин притаился, ожидая, когда погоня пройдет мимо его случайного убежища. Как только вновь стало тихо, Антрес собрался было спешно покинуть кузню, но его остановил чей-то голос.

– Большая ошибка – не продумать путь отступления, ассасин.

Антрес резко обернулся, доставая из ножен кинжал.

В неосвещенном углу, у самого горна, стоял широкоплечий, крупный мужчина с недлинной пышной бородой. В руке он держал тяжелый кузнецкий молот.

По-хорошему, Антресу сейчас надо было, не раздумывая, броситься на кузнеца и подарить ему быструю смерть, всадив ему нож в сердце. Но что-то остановило ассасина. То ли

молот в руках кузнеца, то ли то, что кузнец знал, кто такой Антрес.

– Кто ты? – спросил ассасин. Он решил оставаться наготове до тех пор, пока не убедится, что кузнец не представляет опасности.

– Можешь называть меня Мастером, – мужчина сделал шаг вперед.

– Мастером? – удивился Антрес. – Странное же у вас имя.

– Это не имя, – кузнец слегка улыбнулся. – Имена никогда не отражают того, кем человек является. Они лишь красивое сочетание звуков и только. Мастер – моя сущность. Это то, кем я являюсь. Точно так же, как и ты без своего имени, лишь просто ассасин.

Антрес нахмурился. Станный кузнец вызывал у него противоречивые чувства. Что-то было в этом Мастере нечеловеческое. Какая-то загадочность. Можно было его просто убить, как случайного свидетеля, но Антрес колебался.

– Как ты узнал, что я из Ордена? – ассасин не спускал взгляда с молота кузнеца.

– Я знаю о тебе больше, чем ты сам, призрак.

Призрак – Антрес похолодел, услышав это. Только выработанное годами усиленных тренировок самообладание позволило парню взять себя в руки и ничем не выдать своего волнения. А волновался Антрес как никогда в жизни. Даже во время убийств он сохранял удивительное спокойствие. Но встреча с человеком, знающим о его маленьком секрете, вы-

била его из колеи.

Ассасин не мог контролировать проявления своей призрачной натуры. И, тем не менее, он старался скрывать от окружающих то, что его тело иногда становилось воздухом. Антрес боялся представить, чем для него может обернуться раскрытие этого секрета.

– Сейчас в твой голове наверняка промелькнула мысль, может быть, стоит убить кузнеца и тогда твой секрет будет опять защищен, – продолжил Мастер. – Поверь, не поможет. Старец уже давно осведомлен. Думаешь, почему он спас тебе жизнь? Он видел, как ты стал призраком.

На мгновение воспоминания о том дне всплыли перед глазами Антреса. Наконец-то он получил ответ на годы терзавший его вопрос. Но это не принесло долгожданного успокоения. Наоборот, Антрес почувствовал себя каким-то потерянным.

Ассасин убрал свой кинжал в ножны.

– Расскажи мне все. Я должен знать.

Мастер кивнул и положил молот на наковальню. Теперь разговор можно продолжить мирно. Кузнец предложил Антресу сесть и выпить воды. Они видели многих, кто оказывался в похожей ситуации. И все реагировали на известие о собственной необычности примерно одинаково: это никак не укладывалось в их голове.

– Я человек? – спросил погрузневший Антрес.

– Ты больше, чем человек, – ответил Мастер. – Тебе дано

то, что возвышает тебя над толпой, то, что делает тебя особенным.

– Вы про то, что я становлюсь призраком?

– Да, – кивнул кузнец. – Другие, такие же как ты, называют себя, конечно же, по-другому.

– Так есть и другие? Тоже призраки?

– Другие есть, – неохотно признал Мастер. – Но у каждого из вас своя особенность.

– Из вас? Значит ты не один из нас?

– Я Мастер. Я тоже необычен, но, в отличие от тебя и остальных, я не бессмертен

Антрес поднял глаза и внимательно посмотрел на Мастера. Может быть, это шутка? Бессмертие? Такого не может быть! А как же тогда рай, который обещал ему Старец после смерти? Неужели это ложь? Неужели он всей душой верил в ложь и готов был за нее умереть? Сейчас, когда привычный ему мир начал переворачиваться, он вспоминал прекрасное видение, нарисованное туманом из паров гашиша. И девушек, юных и невинных. И Антрес удивлялся, как он мог принять это за чистую монету.

– Он хотел сделать из меня идеально оружие, – сквозь зубы пробормотал ассасин. – Преданный и бессмертный призрак. Он использовал меня!

– А кого нет? – Мастер сел напротив Антреса. – Но речь сейчас не о нем, а о тебе. Старец смертен. Даже если он проживет еще десять-пятнадцать лет, его влияние закончится

вместе с его смертью. Но ты другое дело. Ты можешь пройти сквозь века, видеть, как меняется мир и люди. Я вижу в тебе большой потенциал, Антрес. Бессмертие не защищает от ядов, смерти в пьяной драке и прочих фатальных случайностей. Многие из вас забывают об этом. Но ты другое дело. Ты осторожен и разумен. Ты любишь жизнь, умеешь ее защищать.

Антрес слушал Мастера в пол уха. Века, люди, осторожность – сейчас это все казалось ему чем-то чуждым и далеким. Ассасин желал двух вещей – ответов и мести. И то, и другое он желал получить от Старца. В тот момент это казалось самым важным. А все остальное таким ничтожным.

Антрес взглянул на свои раскрытые ладони. Невидимость всегда проявлялась спонтанно. Он не умел ее вызывать. И сейчас ассасин пытался вызвать свою призрачную натуру. Несколько минут он сидела неподвижно, выжигая взглядом свою плоть.

Мастер терпеливо наблюдал за юношей. Он видел много хороший качеств в Антресе – упорство, прямоту, отсутствие кровожадности. Тем не менее, ему казалось, что сейчас в юноше пробуждается его темная сторона. Мастер понимал желание Антреса отомстить Старцу. В конце концов, всем приходится как-нибудь прощаться со своим прошлым перед бессмертным будущим. И все же Мастер боялся, как бы молодой ассасин не погиб, осуществляя свою месть.

– Чем сильнее ты будешь думать о невидимости, тем мень-

ше шансов вызвать ее, – сказал Мастер, когда ему надоело наблюдать за неподвижно сидящим Антресом. – Призрак – это часть тебя. Расслабься, успокойся, и она сама начнет приходить.

– Мне казалось, это должно быть проще, – Антрес опустил руки.

– Будет, – улыбнувшись, Мастер достал откуда-то из-под стола сверток. – Ты не спросил, почему я называюсь Мастером и почему я тоже считаюсь необычным. Но знать ты должен. Я появляюсь для того, чтобы делать для таких, как ты, необычные вещи. Вещи, которые либо помогают раскрыть способность, либо дополнить ее. Пророк, предсказавший нашу встречу, предупредил, у тебя будут проблемы с твоей второй сущностью. И я решил сделать для тебя одну особенную вещь.

Мастер протянул Антресу сверток. С некоторыми сомнениями юноша его принял. Развернув грубую ткань, ассасин увидел кинжал. Первое, что бросилось в глаза, был крупный округлый мутноватый камень, вставленный между лезвием и гардой. Никогда не сталкивавшийся с алмазами Антрес не мог оценить, какая драгоценность украшает клинок.

Юноша взял кинжал в руку. Рукоять словно была сделана под его ладонь. Кинжал казался настолько удобным, что у Антреса создалось ощущение, будто он родился вместе с ним. На лезвие была позолотой нанесена арабская вязь. Если бы Антрес умел читать, он бы узнал, что там написано

«Призрак».

Ассасин осторожно провел пальцем по острию. Кинжал оказался острым, как бритва.

Не отрывая взгляда от своего нового оружия, Антрес встал, шагнул к центру кузни. Он сделал один выпад, развернулся, рассек воздух перед собой.

И исчез.

На лице Мастера появилась довольная улыбка. Он не сомневался, что с помощью его подарка Антрес сможет обуздать свой дар.

Антрес снова появился в центре кузни буквально через мгновение. Юноша выглядел взволнованным, но довольным. Кинжал он держал опущенным.

– Я... я смог? – спросил он, не веря тому, что с ним произошло.

– Смог, – подтвердил Мастер.

– О, Аллах, это было прекрасно! – воскликнул Антрес и опять взглянул на кинжал. – Расскажи, почему с ним у меня все получилось?

– Это кинжал призрака. Он становится призраком тогда же, когда и ты. Я сделал его, как часть тебя. Сейчас кинжал помогает тебе становится невидимым. Потом, когда ты научишься себя контролировать, он станет для тебя лучшим другом. Никакое другое оружие не сможет убивать, оставаясь призрачным. А он – другое дело.

Глаза ассасина не добро блеснули. Мастер увидел в этом

блеске злое желание Антреса поквитаться. Возможно, Мастеру стоило его остановить, убедить не совершать столь эмоционального и даже глупого поступка. Но кузнец не видел в этом никакого смысла.

– Пообещай мне одно, Антрес, – твердо сказал Мастер.

– Что именно? – ассасин отвлекся от любования кинжалом.

– Как закончишь мстить, вернись, пожалуйста, сюда. Я бы хотел встретиться с тобой еще раз.

Юноша кивнул.

– Я вернусь. Обещаю.

Когда Антрес ушел, Мастер вернулся к своей работе. Времени у него оставалось не так уж и много. А он хотел успеть приготовить свои дары для других необычных. Работая с раскаленным металлом, Мастер продолжал думать о молодом ассасине.

В Аламут Антрес вернулся уже призраком. Его путь к покоям Старца можно было отследить по трупам с перерезанными горлами. Антрес не щадил никого. Он шествовал по крепости, как чума, вооруженная невидимым кинжалом.

Остановился Антрес лишь у входа в покои Старца. Охранники уже лежали у его ног убитыми. От волнения сердце призрака билось очень быстро. Остался последний шаг, и он увидит Старца.

Прежде чем войти в покои Старца, Антрес сделался вновь видимым. Он хотел предстать перед Владыкой Аламута, дать ему узреть свою смерть.

Юноша держал кинжал наготове, мало ли вдруг внутри окажутся другие охранники. Но нет. В своих роскошных покоях Старец был один. Он лежал среди мягких подушек и читал книгу. Услышав, как отворилась дверь в его покои, Старец лениво поднял взгляд. Заметив Антреса, он замер. Первое, что бросилось в глаза Владыке Аламута, был отнюдь не пылающий ненавистью взгляд молодого ассасина, а необычный кинжал с крупным камнем, который был испачкан свежей кровью. На мгновение Старец было подумал, что Антрес, которого он без сомнения узнал, пришел его убить, но юноша медлил. Значит, ему нужна не только кровь его учителя. И это оказалось именно так.

– Я хочу услышать историю, – сказал Антрес. Он не стал приближаться к Старцу. Он боялся сорваться и вонзить ему кинжал в сердце до того, как он получит ответы на свои вопросы.

– Какую историю? – уточнил Владыка Аламута.

– Историю, которая должна была стать моей.

Старец тихо хмыкнул и пожал плечами.

– Ах, мальчик, откуда мне знать такое?

– Не ври! – выкрикнул Антрес. Рука, в которой он сжимал кинжал, взметнулась вверх. Оружие потянуло его в невидимость, но гнев не дал ассасину вновь стать призраком.

Старец вздрогнул, узрев, как его последователя коконом окружил молочный туман. В его жизни всегда были враги, и Старец научился мириться со страхом за свою жизнь. Только никогда прежде этот страх не был так велик.

– Хорошо, Антрес, я расскажу тебе все, – Старец вздохнул и начал. – Впервые о таких, как ты, о alius, я узнал от своего учителя. Учитель рассказывал нам, якобы он встретался с человеком, который сиял, как солнце. Я думал, это всего лишь красивая легенда, о бессмертных людях, которые обладают магией. Впрочем, скрывать не стану, я мечтал найти своего alius, но сделать это специально ой как не просто. Обычно они умело прячут свои необычные способности. А потом, когда я уже почти забыл о alius, в один дождливый день ко мне прибежали напуганные слуги и сказали, что умирающий во дворе парень исчез, хотя ворота в замок оставались закрытыми. Я не верил им до тех пор, пока не увидел сам. А увидел я тебя, Антрес. Ты то исчезал, то появлялся. Я сразу понял, ты alius. Я не мог позволить тебе умереть. Да и выдать, кто ты такой, тоже. Я сделал вид, будто меня поразило твое упорство и я готов принять тебя в Орден. Хотя, если уж быть до конца откровенным, не будь ты alius, я бы позволил тебе сдохнуть, как бродячему псу.

Попытка Старца оскорбить своего ученика успехом не увенчалась. Антресу не нужно было лишний раз напоминать, что Орден стал его единственным шансом на выживание.

– Почему ты называешь нас алуc? – спросил ассасин.

– Alius, – поправил его Старец. – Это латынь. Означает, кажется, «другой» или «иной». Все, кто о вас знает, называют вас именно так.

Ответ Антреса удовлетворил. Должны же такие же, как он, как-то себя называть. Alius – слово не хуже и не лучше других. Юноша коротко кивнул и сказал:

– Продолжай.

– Как ты мог заметить, я никак не выделял тебя среди других новообращенных членов Ордена. Хотя и знал, кто ты. Впрочем, ты никак не проявлял свой alius. Или же тщательно его скрывал. У меня были подозрения, что ты не мог контролировать свою способность. И я надеялся, ты станешь преданным мне псом до того, как полностью познаешь свой alius. Но, как видишь, я просчитался. Вместо верного пса я получил неблагодарного сукиного сына, который смеет мне угрожать.

На сей раз Антрес не выдержал и сорвался. Без магии кинжала он нырнул в невидимость. Появился он уже рядом со Старцем. Лезвие кинжала призрака смотрело прямо в сердце главы ордера ассасинов.

– Каждое твое слово ложь! – с вызовом сказал Антрес. – Я не верю, что великий Хасан ибн Саббах упустил бы такую редкую возможность, как молодой и неопытный alius. Ты послал меня на задание, то задание, с которого я сюда вернулся, осознавая, что я могу погибнуть, выполняя его. Я шел на

это убийство, как смертник. И я должен поверить, что мое задание входило в твой план по приучению меня?

Старец отвел взгляд и промолчал. Какая разница, скажет ли он правду или нет, Антрес ему не поверит. Юноша в действительности пришел же сюда не за историей, которая могла быть его, и не за жизнью учителя. Ему нужно было вернуться, чтобы разжечь и погасить свою злость из-за сложившихся обстоятельств и страх перед неизведанным.

– Почему ты молчишь? – сквозь зубы прошипел Антрес. Кончик его кинжала коснулся груди Старца.

– Ты не услышишь от меня того, что хочешь, – Старец покачал головой. – Гадай до конца своей бесконечной жизни, что я от тебя хотел, как и почему. Но я тебе ничего не скажу. И можешь даже не угрожать мне своим изысканным кинжалом, я все равно буду молчать.

Антрес заглянул в глаза своему учителю. Он понял, сейчас Старец не врет. Ответов юноша больше не получит. И почему-то теперь уже Антресу было уже наплевать. Его история, как и любая другая, могла быть рассказана по-разному. Кое-что было бы схожим, кое-что отличалось. Однако для Антреса истиной будет только одна версия этой истории – та, которую прожил он сам.

Ассасин так и не убрал кинжала от груди Старца. Антрес еще не решил, хочет ли он еще мести или нет. Его учили быть убийцей, забирающим чужие жизни хладнокровно, быстро, без доли сомнения. Убивать тех, кто несет угрозу его учите-

лю. Или тех, за чью жизнь щедро заплатили. Возможно, когда-то он и был оружием чужой мести. Только сейчас Антрес не видел в своей истории места для мести. Убивать легко, ну а кровь с рук смывать гораздо сложнее.

Молодой ассасин убрал кинжал от груди Старца и отошел от него на пару шагов.

– В одном ты прав, – гораздо спокойней сказал Антрес. – Моя жизнь будет очень долгой. Дольше чем твоя. Тебя убьет самый лучший в мире убийца – время. Не хочу иметь тебя на своей совести. Прощай.

И Антрес растворился в воздухе, будто его никогда и не бывало в покоях Властителя Аламута.

Старец некоторое время смотрел на то место, где не так давно стоял его ученик. У него по коже до сих пор пробежал холодок. Одно дело воспитывать ассасинов, и совсем другое встречаться с ним лицом к лицу.

Антрес покидал Аламут в спешке. Он не только не хотел оставаться в этом проклятом месте, он боялся, как бы Старец не пошлет ему в погоню. Юноша чувствовал себя усталым и физически, и эмоционально. А это не то состояние, в котором стоит встречаться с группой хорошо обученных ассасинов.

Антрес не выходил из невидимости пока не добрался до своей лошади. Едва он коснулся морды соскучившегося животного, у него на душе стало спокойней. Призраку показав-

лось, все, что было до этого момента, было в прошлой жизни. Оно больше никогда не коснется его настоящего. Отчасти, это было прекрасной иллюзией, однако Антресу сейчас большего и не нужно. Он запрыгнул в седло, пришпорил коня. Теперь настало время исполнить обещание и вернуться к Мастеру.

Молот кузнеца опустился на раскаленный добела металл, заставляя его принять нужную форму. Раздался громкий звон, а потом в кузне повисла тишина. Мастер оторвался от работы, почувствовав присутствие гостя.

Антрес стоял у двери, словно не решаясь пройти дальше. Впервые с момента их встречи, лицо ассасина не прикрывал капюшон, поэтому Мастер мог разглядеть все противоречивые чувства, которые испытывал юноша. В выразительных карих глазах, обрамленных пушистыми ресницами, читалась и грусть, и потерянности, и даже разочарование.

– Я вернулся, как и обещал, – сухим голосом сказал Антрес.

– Я вижу, – тяжело вздохнул Мастер.

Прежде чем подойти к юноше, он бросил металлическую деталь в воду, чтобы та остыла.

– Как все прошло? – спросил Мастер, усаживая юношу за стол и наливая ему вина.

Антрес не обратил никакого внимания на предложенную выпивку.

– Я не убил Старца, если ты об этом, – пробормотал он, стараясь не глядеть Мастеру в глаза.

– Вижу, это решение далось тебе не просто, – констатировал кузнец.

– Не в Старце дело, – признался Антрес. – Я думал, после того, как я побываю в Аламуте и закончу там все свои дела, я пойму, как мне жить дальше. Как и обещал, я пришел к тебе. И здесь чувство пустоты еще больше усилилось. Такого не было даже тогда, когда я шел в Аламут, чтобы стать ассасином или умереть, пытаясь им стать.

– Пустота сгубила многих хороших людей, Антрес, – сказал Мастер. – А таким, как ты, особенно трудно с ней справиться. Кто-то пристращается к выпивке, кто-то находит утешение в объятиях блудниц, а кто-то начинает испытывать судьбу, ввязываясь в разные авантюры. И обычно где-то на этом пути из ниоткуда в никуда их и подстерегает смерть в результате глупейшей ошибки. Пустота развращает и не приводит ни к чему хорошему. Но я могу помочь тебе.

– Как? – Антрес удивленно взглянул на кузнеца. Этот человек на первый взгляд казался таким простым и незамысловатым, однако он умел поразить даже тогда, когда казалось, будто он уже разыграл все свои козыря.

– Я дам тебе цель. И она поможет искать способы бороться с пустотой. Достань, пожалуйста, свой кинжал, друг мой.

Хотя Антрес недопонимал, как связана цель, что собирается дать ему Мастер, и кинжал, он охотно выполнил прось-

бу.

– Как я уже тебе говорил, в отличие от тебя, я смертен. Однако это не означает, что когда умрет мое тело, умру и я. Пройдет много лет, и я возрожусь в другом человеке. Я буду жить в какой-то степени нормальной жизнью, пока моя сущность Мастера не даст о себе знать. И тогда я начну вспоминать упорно и долго, кто я на самом деле такой, что я сделал в свои предыдущие жизни и что мне суждено сделать в свое нынешние пришествие. Каждый раз я теряю много лет, чтобы найти ответы на эти вопросы. И часто я не успеваю сделать в свой короткий век всего, что мне следовало бы сделать. На сей раз я придумал, как решить эту мою проблему. Взгляни на свой кинжал, Антрес.

Уже совсем ничего не понимающий юноша перевел свой взгляд на клинок.

– Ты же говорил, кинжал связан только со мной. Он усиливает только меня, – недоуменно сказал ассасин.

– Верно, – кивнул Мастер. – Кинжал связан с тобой и только тобой, а вот камень – нет. Я огранил этот бриллиант до того, как сделал твое оружие. Я решил вставить его в твой кинжал, когда понял, ты тот, кому я смогу довериться. И собственно, он символизирует ту цель, которую я хочу тебе дать.

Антрес взгляделся в сверкающий всеми цветами радуги алмаз. Что-то особенное было в том блеске. Казалось, будто камень обладал собственной мудростью, что копилась в нем на протяжении столетий. Антресу стало интересно, по-

чему раньше бриллиант казался ему лишь украшением его кинжала.

– И что это за цель? – спросил ассасин.

– Когда я вернусь, возрожусь следующий раз, камень почувствует это и даст тебе знать. И я прошу тебя откликнуться на этот зов и найти меня. Увидав этот алмаз, новый я поймет, кто он такой. Память вернется.

Некоторое время Антрес внимательно смотрел на Мастера, думая о том, а готов ли кузнец услышать нет в ответ на свою просьбу. Нет, Антрес не хотел отказываться. Он чувствовал, что действительно эта цель, ждать возрождения Мастера, стоит того, чтобы искать способы бороться с пустотой. Не только искренняя благодарность двигала в тот момент юношей. Мастер – хороший человек. Он наверняка помог не только ему познать свою вторую натуру. Так почему бы не помочь ему самому?

– Когда бы ты не вернулся, я обещаю найти тебя, – уверенно сказал Антрес. И как только он дал это обещание, ему стало чуточку лучше. Он почувствовал, что жизнь, несмотря на сплошную неопределенность, все-таки обрела стимул продолжаться.

Мастер улыбнулся.

– Я рад. Спасибо, – искренне поблагодарил он.

– А теперь ты, наверное, скажешь, что я должен идти? – усмехнулся Антрес, пряча кинжал.

– Мне незачем тебя прогонять, – Мастер вернулся к на-

ковальне. – Я одинокий человек, которому компания и помощь не помешает. А ты пока бездомный юноша, который если что и умеет, так это убивать. Если хочешь, оставайся.

Антрес кивнул. У него впереди целая вечность, десятилетия и века, а может даже и тысячелетия. Так почему бы не начать их с тем, чья жизнь имеет свой срок.

13 век

Антрес проснулся от странного чувства. Это была не тревога, нет. При тревоге ассасин по старой привычке просыпался резко. Сейчас же он просто вынырнул из объятий сна.

Призраку казалось, будто он забыл сделать что-то важное. И это вызывало волнение, беспокойство и, как следствие, раздражение.

Антрес сунул руку под подушку, нащупал кинжал. Прикосновение к своему верному оружию всегда успокаивало ассасина. Однако на сей раз все было наоборот – странное чувство усилилось, что заставило Антреса ко всему прочему еще и испугаться.

Вытащив из-под подушки кинжал, он сел в кровати и заворожено посмотрел на клинок. За более чем два столетия ничего не изменилось в этом необычном оружии: лезвие не затупилось, золотой узор по-прежнему ярко блестел. Лишь алмаз потемнел и стал кроваво-красным. Антрес считал, камень окрасился кровью тех людей, что он убил за это время.

– Дорогой, что такое? – сквозь туман, вызванный необычным для Антреса чувством, прорвался обеспокоенный голос его любовницы Виттории.

Как и Антрес, Виттория была *alius*. Куртизанкой, использовавшей свою способность завораживать голосом, чтобы заполучать богатых клиентов. Вита была красивой, но, по

мнению Антреса, немного худощавой. Он не любил ее, хотя умел наслаждаться ее обществом и теплом ее постели.

– Антрес, ты в порядке? – рука Виттории скользнула по обнаженной груди Призрака, но ассасин по-прежнему не обращал внимания на ее вопросы. Он наконец-то понял, что именно вызвало это странное чувство.

– Мастер, – прошептал Антрес, вставая с постели.

Два века он ждал возвращения своего друга. Ассасин часто представлял себе, как это будет. Отчасти, реальность совпала с его ожиданиями. Антрес всегда верил, что однажды он проснется и поймет, Мастер вернулся. Только вот он думал, будто чувства будут иные, более приятные.

Перестав пялиться на свой кинжал, Антрес стал спешно одеваться. Он хотел как можно быстрее отправиться в путь и отыскать Мастера. Путь должен был быть долгим, очень долгим, потому что Мастер находился невероятно далеко.

– Антрес, да что случилось? Почему ты молчишь? – противно завизжала Виттория, которую окончательно разозлило поведение ее любовника.

– Я должен уехать, – сквозь зубы процедил Антрес. Сейчас, как никогда прежде Вита его раздражала. Она портила впечатление о долгожданной новости.

– Куда? – последовал очередной вопрос, но Антрес не считал нужным на него отвечать.

Виттория выждала минуту, прежде чем снова заговорить. Однако на сей раз голос куртизанки изменился. Он стал глу-

хим, будто звон церковного колокола.

– Антрес, я хочу, чтобы ты мне объяснил причины своего поведения!

До этого Виттория никогда не применяла свой *alius* по отношению к Антресу. С ее стороны это, конечно же, был жест отчаяния. Вита любила Антреса с пылкостью, которая свойственна молоденьким девушкам, а не сто тридцатилетней бессметной умудренной жизнью и многочисленными романами куртизанке. Виттория вбила себе в голову, что она должна полюбить опасного человека, что Антрес как раз такой опасный человек и что она должна приручить его. Конечно же, Призрак все понимал и уже почти десять лет принимал чувства Виты, однако сейчас он должен был покончить раз и навсегда с этой придуманной любовью.

Антрес резко повернулся к Виттории, шагнул к ней. На лице девушки возникла полуулыбка победительницы. Раз ее чары могут околдовать этого мужчину, значит, он будет с ней навсегда, действительно навсегда.

Ассасин склонился на ней. Он чувствовал ее учащенное дыхание, видел ее полные любви и страсти глаза. Но все это не трогало Антреса.

Быстрым движением он вытащил свой кинжал из ножен. Лезвие мелькнуло в воздухе. Виттория даже не успела испугаться. Она все поняла, только когда Антрес отстранился от нее. В одной руке он держал кинжал, а в другой – локон ее золотых волос.

– Еще раз попробуешь применить против меня свой *alius*, лишишься головы, – предупредил ассасин. Виттория почувствовала – он не шутит. И тем не менее надежда не оставляла ее до тех пор, пока Антрес держал прядь ее волос. Она продолжала верить, что ее возлюбленный таки заберет ее локон с собой и будет, глядя на него, вспоминать ту, которую он оставил.

Антрес отошел к окну.

– Прощай, – негромко сказал он и растворился в воздухе. А золотистая прядь волос плавно опустилась на пол.

В порту Антрес сел на первый корабль, который отплывал на восток. Он пока еще и не подозревал, насколько долгим и трудным окажется его путешествие, сколько стран и народов повстречается ему на пути, какие неведомые края он увидит. Его гнало вперед не только данное обещание, ведь больше всего на свете Антрес хотел увидеть Мастера.

Антресу в нос ударил насыщенный запах лошадей. Он остановился, прислушался. И сразу же ловил богатую гамму шумов, какую могла издавать только толпа людей. Антрес насторожился. Уже много дней он не встречал ни одной живой души, зато ему встречались пустые деревни. И тут вот – орда.

Антрес обратился в призрака. Он старался использовать свой *alius* только если это действительно необходимо. Юно-

ша боялся злоупотребить невидимостью и в один прекрасный день застрять между мирами.

Когда Антрес наконец увидел источник неприятного запаха и шума, он не пожалел, что сейчас его никто не видит. Лагерь простирался до самого горизонта. Шатры перемещались с лошадьми. Создавалось ощущение, будто в лагере лошадей много больше, чем людей. Кое-где поднимался густой дым от костров. Вокруг них сидели невысокие люди с суровыми лицами. У них у всех были узкие глаза, Антрес никогда таких не видел и не понимал, как можно через такую щель смотреть на мир. Однако, когда призрак пробирался сквозь лагерь ему то и дело казалось, будто то один, то другой угрюмый воин наблюдает за его перемещениями.

Эта громадная армия одновременно пугала и завораживала Антреса. Он видел в ней силу и мощь сходящей с гор лавины, смертоносной и неостановимой. И все же кровопролития, что несла с собой эта орда, не казались Антресу чем-то противоестественным. Прошедшие два столетия не убедили его, что человечество не дня не прожило бы без насилия.

Призрак постарался как можно быстрее миновать лагерь. Мастера здесь не было, потому его мало волновало, куда направляется эта гигантская армия. Позже Антрес узнает, что именно эта армия и эти люди подчистую уничтожат орден ассасинов, существование которого два века омрачало ему жизнь.

Со дня, когда Антрес наткнулся на армию монголов, прошло четыре месяца. Он устал, но не из-за нескончаемого пути к землям, где рождается солнце. Он устал встречать каждый новый день с надеждой сегодня встретиться с Мастером, положить перед его ногами кинжал, а потом увидеть знакомый блеск в глазах.

И вот настал тот день, когда надеждам Антреса суждено было воплотиться.

Призрак остановился у деревянного, длинного по фасаду дома. Напротив главного входа была построена стена, Антрес не понимал зачем, ведь она мешала удобному въезду во внутренний двор. Дом покрывала крутая крыша с необычными для Антреса изогнутыми концами. Для Чжунго, собственно, подобные дома были типичны. Антрес много видел таких за последние несколько месяцев. Однако этот дом был особенным, потому что в нем находился тот, ради кого Призрак проделал столь долгий путь.

Невысокого человека, одетого в темно-зеленые просторные брюки и рубаху с запахом Антрес нашел у домашнего алтаря, на котором стояли красные таблички с нарисованными золотой краской иероглифами. Иероглифы напомнили Призраку вязь на лезвии его кинжала. Антрес вынырнул из невидимости, достал из ножен кинжал и шагнул с бормо-

чущему что-то себе под нос человечку.

– Мастер, – окликнул его юноша.

Услышав непонятную для себя речь, китаец обернулся. Высокий, широкоплечий человек, закутанный в пыльный плащ, загромождал выход из небольшого святилища. У незнакомца были большие глаза, глаза человека со злом внутри. И эти глаза испугали китайца больше, чем оружие в руке гостя. Он призвал предков защитить его.

А потом незнакомец опустился перед ним на колени и положил перед собой кинжал. Китаец продолжал шептать молитвы своим предкам, но взгляд его невольно опускался с больших глаз Антреса на лежащий перед ним клинок. Хозяин дома замолк, не моргая глядя на кроваво-красный поблескивающий камень.

Антрес замечал, как меняется взгляд китайца. Страх быстро исчез, зато появилась осознанность, легкая меланхолия, задумчивость и, тем не менее, сосредоточенность. По мере того, как в неприметном китайце пробуждался Мастер, алмаз бледнел. И когда камень приобрел свой первоначальный бело-мутный цвет, китаец поднял голову. На его лице возникла легкая улыбка.

– Я рад встретиться с тобой вновь, Антрес, – сказал Мастер на арабском.

– Мой путь к тебе был очень долг, но он того стоил, – ответил призрак.

– Знаю, – кивнул китаец. – Тебе пришлось идти ко мне

через полсвета. Я уже начал потихонечку осознать, кто я на самом деле такой. Ты, мой друг, пришел чуть позже, чем мне хотелось бы.

– Прости, – Антрес расстроено опустил голову.

– Не извиняйся, – Мастер встал с колен, потушил палочку благовония, которую он сжимал в руке. – Если бы ты не появился, я бы не успел бы сделать все, что должен.

Антрес остался жить в доме Мастера в качестве призрака. Семья Пенга (так звали Мастера в этом его воплощении) поначалу с подозрением отнеслась к тому, что по их дому бродит полупрозрачный человек с большими глазами. Поступило даже предложение совершить обряд по изгнанию злого духа. Но Пенг решительно отверг все подобные инициативы своей семьи. Поскольку с главой дома никто спорить не решился, то с присутствием Антреса все вскоре смирились.

Сам Призрак старался как можно больше времени проводить с Мастером, по давно забытой привычке наблюдая за его работой. Первые несколько недель Мастер был необычайно молчалив. Потом он начал задавать вопросы Антресу. Вопросы были простые. Антресу казалось, будто Пенгом движет лишь банальная вежливость. Но однажды с вопроса Мастера начался один крайне любопытный разговор, который так напомнил ассасину их старые беседы.

– Мир сильно изменился? – спросил Пенг, аккуратно разрезая кусок шёлка.

Антрес пожал плечами.

– Когда живешь, каждый день наблюдая малые изменения, перестаешь их замечать. Мир, может быть, и меняется, но вот люди нет.

– Тебе не кажется, что это немного не логично? – немного иронично улыбнулся Мастер. Антрес успел заметить, что хотя на какие-то вещи старое и новое воплощение Мастера реагировали одинаково, только эту реакцию они выражали по-разному.

– Что именно? – переспросил ассасин.

– Если люди не меняются, то почему меняется мир? – Мастер всегда любил поставить под сомнение логику Антреса. Юноша усмехнулся.

– Люди не меняются в своей сути, – пояснил Антрес. – Появляются новые законы, приходят к власти другие короли, меняются прически модниц, даже вера, и там в чем-то меняется. Но глубоко внутри, где-то за всеми масками, люди остаются прежними.

Мастер отвлекся от работы, чтобы внимательно взглянуть на своего друга. Как и все *alius* Антрес наблюдал за окружающим его миром и делал определенные выводы. Только забывал он делать другое – наблюдать за собой. Мастер заметил, его друг тоже изменился. Только он не мог понять пошли ли изменения Антресу на пользу или нет.

Тем не менее, Мастер не стал делиться своими размышлениями с другом. Он заговорил о другом:

– И почему тебя так сильно злят «эти не меняющиеся люди»?

– Злят? – удивился Антрес, а потом понял, что Мастер заметил то, чего он раньше сам не замечал. – Да, злят. Но не сами люди. Как бы тебе объяснить? Вся история, по крайней мере та, что я наблюдал своими глазами, это сплошные войны и убийства. Постоянно льется кровь. За дело и без.

– Странно это слышать от ассасина, – усмехнулся Мастер.

– Наемные убийцы, как никто другой осознает ценность жизни, – с необычайной серьезностью ответил Антрес. Он не стеснялся своего рода деятельности, тем не менее, он не считал нужным обсуждать причины, по которым он продолжал убивать по заказу. – Но не оружие принимает решение об убийстве, а человек.

Ассасин тяжело вздохнул и продолжил:

– По дороге к тебе я наткнулся на огромную армию. Ее путь можно было отследить по мертвым деревьям. Они не щадили, никого, кто отличался от них. Представь, целый народ собрался вместе, чтобы убивать. Впрочем, печально другое – для них это единственный путь выживания.

Антрес ожидал, что Мастер скажет что-то в ответ, но нет. Китаец погрузился и, еще сильнее сосредоточившись, продолжил работу над одним из своих творений. Антрес не стал допытываться, что все-таки думает его друг об армии монголов. Если Мастеру нравится тишина, то нет ничего сложного в том, чтобы помолчать.

Позже Антрес начал понимать почему Мастер не продолжил тот разговор. В доме Пенга поселилось постоянно растущее беспокойство. Началось оно с взволнованных взглядов, потом переросло в тихие перешептывания и, наконец, уже в разговоры в полный голос. Все не то знали, не то предчувствовали, беспощадная и огромная армия монголов говорит новое наступление. Жена Пенга потихонечку стала намекать мужу на то, что нужно как-нибудь приготовить к худшему. Но Мастер злился и прогонял маленькую женщину.

Антрес заметил, его друг все меньше и меньше спал, посвящая все свое время созданию вещей. Ассасина немного беспокоило поведение Мастера, но долгое время он не решился заговорить с ним об этом. Терпение Антреса иссякло тогда, когда он обнаружил жену Пенга рыдающую навзрыд. Заметив Призрака она зло посмотрела на него и прокричала ему что-то на китайском. Антрес не понял, что именно она сказала, но догадался – она винит во всех ее бедах незваного гостя. Как ни странно, юноша понял чувства этой женщины. Жизнь *alius* так или иначе отрицательно сказывается на обычных людей, окружающих его. Однако нет вины маленькой китаянки в том, что она оказалась связанной узами брака с тем, кому плевать на все подобные обеты. Жалость заставила Антреса взять себя в руки и обсудить ситуацию с Мастером.

– Твоя жена очень взволнована, – стараясь не придать

голосу осуждающих или требовательных интонаций, сказал Антрес.

– Эта женщина не моя жена. Она жена Пенга, – Мастер даже не поднял глаз на Антреса.

– Неважно, – Антрес не собирался быстро сдаваться. – Этим людям, семье Пенга, нужно помочь.

– Мне некогда, – опять последовал короткий ответ.

– Я мог бы сопроводить их в безопасное место. В какое-нибудь убежище, где они могли бы переждать грядущую войну.

– Нет.

Антрес оторопел. Он ожидал любого ответа, кроме этого бесчувственного «нет».

– Нет? – переспросил ассасин, не желая верить своим ушам.

– Важно, чтобы ты остался со мной, – пояснил Мастер.

– Но семья Пенга погибнет! – не унимался Антрес.

– Я знаю, – равнодушно ответил Мастер. – Они в любом случае погибнут. Если ты уведешь их отсюда, они проживут от силы дольше на несколько недель, но умрут они более мучительной смертью. Я понимаю твои чувства, мой друг. Эти люди приглянулись тебе и ты начал их жалеть. Но право не стоит. У меня для тебя есть более важное задание.

– Какое? – нахмурился Антрес.

Впервые с начала разговора Мастер отвел взгляд от очередной побрекушки, над которой он работал. Он посмотрел

на Антреса так же, как он смотрел два с половиной века назад: с отеческой серьезностью и накопленной за века мудростью.

– Ты должен отвезти мои дары.

– Ты просишь меня быть твоим... курьером? – удивился

Антрес.

– Антрес, пойми, это очень важно, – Мастер уже умолял. – С самого начала я рассчитывал на твою помощь.

– Так почему же ты сразу об этом не сказал? – закричал в ответ призрак. Антрес крайне редко позволял эмоциям брать над собой верх, но поведение Мастера возмутило его так сильно, что он не сдержался. – Я два года искал тебя, преодолел полсвета и лишь для того, чтобы столкнуться с твоими недомолвками и секретами.

Мастер покачал головой.

– Эх, мальчик, неужели ты так и не понял, я – это свой долг, который порой перекрывает все остальное. Я очень ценю все, что ты сделал и, я надеюсь, сделаешь ради меня. Только в этот мой приход долг перечеркнул все человеческое во мне. Прости меня за это. Но сейчас прошу, нет – умоляю, отвези мои дары.

В небольшой мастерской Мастера воцарилась тишина. Эта была та пауза, какая бывает в каждом серьезном разговоре. После такой паузы обычно и принимается важное решение. В голове Антреса не было ни одной мысли. Ни аргументов за, ни аргументов против. Ни гнева, ни покорности.

Ничего. Просто пустота. Он так и не понял, что именно его сподвигло дать окончательный ответ.

– Хорошо, – согласился он. – Я выполню твою просьбу.

– Спасибо, – на лице Мастера появилась благодарная улыбка. – Я знал на тебя можно положиться.

В ответ Антрес лишь хмыкнул и, впервые за много недель, сделался невидимым. Ему хотелось побыть одному и успокоиться. На мгновение он остановился у входа в мастерскую, из-за плеча взглянул на своего друга. Мастер казался расстроенным. Антресу хотелось верить, его друг осознает, что он поступил не хорошо по отношению к Призраку.

До самого своего отъезда Антрес не разговаривал с Мастером. И хотя он понимал, что по-хорошему следует наговориться с другом на два с половиной века вперед, но он себя пересилить не мог.

Мастер разбудил ассасина посреди ночи. Впервые с момента приезда Антреса китаец выглядел испуганным и взвинченным.

– Антрес, проснись, – Мастер потряс юношу за плечо. – Проснись.

Призрак резко сел, выхватил из-под подушки кинжал и еле сдержался, чтобы не поднести оружие к горлу Мастера. Все-таки инстинкты убийцы имеют свойство срабатывать всегда.

– Спокойно, это я, – Мастер, знавший неискоренимые привычки Антреса, даже не испугался, увидев сделанное им когда-то оружие.

– Они уже здесь? – с холодной решимостью в голосе спросил Антрес. Он мало представлял, как можно в одиночку противостоять бесконечной монгольской армии, но был готов сражаться с ней, если придется.

– Нет, – покачал головой Мастер. – Пока нет. Но времени мало. Ты должен уезжать. Немедленно.

Антрес вскочил на ноги и стал одеваться.

– Давай ты поедешь со мной, друг? – предложил призрак, запихивая свои немногочисленные пожитки в дорожный мешок. – Я смогу тебя защитить.

На лице Мастера появилась легкая, немного неуместная в данный момент улыбка.

– Ты не исправим, – он покачал головой. – Смерть настигнет меня к концу сегодняшнего дня. Ты прекрасно знаешь, избежать этого нельзя.

– Как и прошлый раз, это знание не мешает мне надеяться, – Антрес сгрустнул, вспомнив, как два с половиной века назад Мастер умер на его руках. – Ну, да ладно, сейчас не время для воспоминаний.

Во дворе призрака ждала запряженная лошадь, через спину которой были перекинута два довольно-таки объемных мешка. В дальнем углу двора за проводами Антреса наблюдала семья Пенга, наблюдала с волнением и сожалением.

Дети жались к матери, невольно осознавая, какую уверенность придавало им присутствие этого большого белого человека в их доме. Ассасин махнул им на прощание рукой. Он не знал, насколько правильно семья Пенга воспринял этот жест, впрочем сейчас это было уже не важно.

Антрес запрыгнул в седло. Лошадь тихо фыркнула, но не дернулась. Призрак схватился за поводья, заставил лошадь развернуться мордой к Мастеру.

– Вот и все, – с грустью сказал Антрес. В голове вертелось столько слов, что так хотелось сказать. И, как всегда это бывает в моменты прощания, нужные не находились.

Мастер кивнул. Из-за пазухи он достал свиток.

– Возьми. Здесь список тех, кому ты должен доставить мои дары. Кого-то из этих людей ты уже знаешь, а с кем-то только предстоит познакомиться. Не все отнесутся к тебе доброжелательно, однако, насколько я помню, ты всегда умел быть убедительным.

Антрес усмехнулся, вспомнив один случай двух вековой давности, на который ссылался Мастер.

Несколько минут мужчины молчали и просто смотрели друг на друга. Антрес думал, куда закинет мастера его очередное перерождение, где он обнаружит своего друга следующий раз. А Мастер просто знал, он увидит призрака очень скоро. В каком-то смысле буквально завтра.

– Тебе пора, Антрес, – спокойно сказал Мастер. – Скоро будет уже поздно.

Ассасин медлил еще одно мгновенье.

– Я буду скучать, – Антрес резким движением развернул лошадь. – До встречи, друг.

Призрак постарался покинуть дом Пенга как можно быстрее, но стена, перегорождавшая вход, предназначение которой Антрес так и не узнал, помешала. Миновав ее, ассасин сразу же погнал коня. Впереди его снова ждала долгая дорога, только этот ее этап нужно было преодолеть как можно скорее.

В списке, что дал Мастер, имя Виттории находилось где-то в середине и ничем не выделялось. Как и другие, оно было аккуратно выведено ярко-черными чернилами на почти белоснежной тонкой бумаге. О своей любовнице Антрес не вспоминал с тех пор, как он покинул ее дом в Венеции. Увидав ее имя в списке, Призрак вдруг понял, что поступил по отношению к Витте не очень хорошо. Более того, он наверняка разбил ей сердце. Учитывая это обстоятельство, Антрес, в общем-то храбрый человек, побаивался встречаться с Витторией, поэтому он и решил отвезти ей дар Мастера самой последней.

Дверь призраку открыла служанка. Витта из соображений безопасности меняла свою прислугу раз в три-четыре года, поэтому для невзрачной девушки Антрес был очередным посетителем ее хозяйки.

– Проходите, – она пригласила Призрака в дом. – Я сооб-

щу донне Виттории о вашем приходе.

Когда девушка ушла, Антрес смог оглядеться. Дом Виттории как-то незаметно изменился. Как и раньше, он прямо таки дышал роскошью, только раньше он казался более уютным и менее парадным. Призрак обернулся, услышав негромкий скрип ступеней. Придерживая расшитый золотым шитьем подол пышного бордово-красного платья, она неспешно спускалась по лестнице. Золотые волосы Витты были спрятаны под показавшейся Антресу забавной шляпкой.

Заметив гостя, Виттория неожиданно остановилась. От удивления ее глаза округлились, придавая лицу глуповатое выражение. Она, не отрываясь, смотрела на Антреса. А призрак ждал. Он морально был готов к любой реакции Витты.

– О, Антрес, – томно вздохнула Виттория. Она легко, как лань, сбежала с лестнице, росилась Антресу на шею и страстно его поцеловала.

Антрес окончательно убедился в том, что он ничего не понимает в женщинах и их способность прощать все. Но как ни странно, кроме этой мысли, ничего больше не проскользнуло в голове Антреса. Он напрочь забыл о подарке Мастера. Его руки волей-неволей обвили тонкую талию Витты. В тот момент его мир сузился до прекрасной Виттории и их поцелуя.

О причине возвращения Антреса, любовники заговорили

чуть позже, уже находясь в спальне. Виттория приподнялась на локтях. Золотые кудри прикрыли ее обнаженную грудь.

– Ты вернулся не просто так, верно? – еле заметной улыбкой Витта давала понять, что ей просто интересен этот момент. Она не собиралась высказывать Антресу какие-либо претензии на этот счет.

– Верно, – не стал отрицать призрак. – Строго говоря, я вернулся по той же причине, по которой я ушел.

Он потянулся к своей одежде, достал небольшой сверток.

– Он называет себя Мастером, потому что это его суть. Он создает вещи для таких, как мы. Для *alius*. Мне он сделал мой кинжал, а это, – Антрес протянул сверток Виттории, – его дар тебе.

Витта села в кровати и с некой осторожностью взяла подарок Мастера. Едва она разорвала упаковку, на постель скользнула длинная, широкая лента, сделанная из золотого шелка и украшенная богатой вышивкой. Виттория взяла ленту в руки, намотала ее на запястье.

– Какая красота, – восторженно сказала она.

– Это не просто красивая вещь, Витта, – пояснил Антрес, внимательно наблюдая за реакцией своей любовницы. – Как и любое творение Мастера, она дополняет или развивает твой *alius*.

– Каким именно образом? – Виттория не отрывала глаз от ленты.

– Ты поймешь, – уклончиво ответил Антрес.

Витта, нахмурившись, еще несколько минут вертела ленту в руках. Похоже, вопрос полезности подарка Мастера ее не на шутку встревожил. Наконец девушка перехватила лентой волосы.

– Ты не убьешь меня? – задала она неожиданный вопрос.

– За что? – Антрес успел спросить прежде, чем понял, почему Витта задала этот вопрос. Внутри него зародилась мысль, граничащая с желанием. Эта мысль заполнила все сознание призрака, убивая все, что могло ей противиться. Антрес и раньше испытывал на себе *alius* Виттории, только до этого он на него не действовал. Сейчас всей его воли едва хватило, чтобы побороть эту мысль.

Антрес поднял руку и дернул золотую ленту за один из свободных концов. Подарок Мастера повис на плечах Витты и сразу же сила мысли ослабла.

– Ты почти меня сломала, – заметил Антрес.

– Знаю, – улыбнулась Виттория. Она сняла с плеч ленту и отложила ее в сторону. – Прости, я обещаю никогда так больше с тобой не поступать.

Девушка легла на плечо Антреса. Ассасин пробежал рукой по ее шелковистым волосам, только сейчас понимая, что он скучал по Витте.

– Я думал, ты будешь злиться на меня, – негромко сказал Антрес.

– Я действительно злюсь на тебя, – холодные нотки в голосе Виттории подчеркнули смысл сказанного. – Однако твой

неожиданный отъезд пошел мне на пользу.

– Каким образом? – удивился Антрес.

Виттория вздохнула, перевернулась на спину.

– Когда ты исчез, я решила уехать из Венеции. Я купила себе дом во Флоренции и пыталась там прийти в себя. Мне казалось, что без тебя моя жизнь утратила всякий смысл. Я чувствовала пугающую пустоту, с которой я должна была идти в вечность, и мне становилось безумно страшно. Но я смогла избавиться от этого страха.

– Как? – Антрес повернулся к девушке.

– Я стала искать, – Витта с нежностью взглянула на него. – Чем я только не интересовалась: живописью, литературой, даже религией. Я полностью погружалась в новое увлечение, заполняла им всю свою жизнь, надеясь, что это поможет.

– И ты нашла, что искала? – не унимался Антрес.

– Тогда мне думалось, что да. Сейчас, кажется, что нет, – она провела внешней стороной ладони по щетинистому подбородку Антреса. – Но важен именно поиск. Нельзя сдаваться, нельзя позволить идее о бессмысленности вечного существования омрачить твою жизнь. Смысл всегда есть, просто его, как и настоящую любовь, нужно искать. Если бы не ты, я никогда бы этого не поняла.

Антрес приподнялся на локтях. Его правая ладонь легла на щеку Витты. Пальцы затерялись в ее шелковистых волосах. Впервые за время их знакомства, Призрак увидел в Виттории не просто красивую девушку. Перед ним была настоя-

щая alius – мудрая, знающая свое место в этом мире, но при этом легко приспособливающаяся к меняющейся жизни.

– Прости меня, – прошептал он.

– Уже простила, – улыбнулась Виттория.

15 век

Когда пятнадцатый век перевалил за свою середину, Виттория стала всерьез опасаться возвращения Мастера. Она знала – это единственный, кого Антрес, ее Антрес, ценит больше нее. Два века Призрак был рядом с ней. Конечно, Витта не привязывала его к своей юбке и легко отпускала его, когда ему нужно было уехать. Однако Мастер представлялся ей той силой, которая в состоянии разрушить хрупкую иллюзию счастья, что девушка создала. Витта боялась даже представить, что случится, когда Антрес снова почувствует возвращение Мастера.

Это произошло во время обеда. Виттория проявила всю женскую хитрость, на которую она была способна, чтобы сделать совместные обеды каждодневным ритуалом. Антреса роскошная сервировка и разнообразие блюд немного напрягали, тем не менее, он составлял Витте компанию. Они почти никогда не разговаривали – не любили пустых разговоров.

Обед шел как обычно, пока неожиданно Антрес не замер. Его взгляд застеклянел и руки задрожали. Витта знала, руки убийцы никогда не дрожат. Без сомнения что-то случилось. Девушка осторожно коснулась его плеча.

– Антрес, милый, ты в порядке? – взволнованно спросила она.

Призрак медленно повернул голову.

– Он вернулся, – негромко сказал он. – Мастер вернулся!

Изменившаяся в лице Виттория похолодела. Вот и свершилось то, чего она так боялась. Витта невольно представила, как сейчас Антрес встанет, растворится в воздухе и исчезнет на несколько лет.

– И где он возродился на сей раз? – Виттория очень надеялась, что Антрес не заметит ее эмоций.

Но Призраку было не до реакции его любовницы на новость. Его кое-что не на шутку тревожило:

– Я не могу понять... Он там, где просто не может быть. Мастер далеко на юго-западе.

– Там же просто океан? – удивилась Виттория, всегда интересовавшаяся географией и новыми землями.

– Вот именно! – Антрес начинал нервничать все больше и больше. Кисти его рук сделались невидимыми. Призрак начинал терять контроль над своим *alius* только когда очень сильно волновался.

– Наверняка этому есть какое-либо разумное объяснение, – Витта решила, что кто-то из них двоих должен сохранить в этой ситуации спокойствие и хладнокровность. – Мы много не знаем о нашем мире. Подумай, мы живем уже несколько столетий и неоднократно представления о нашем мире менялись.

Антрес ответил не сразу. И хотя прожил он уже почти полтысячелетия, он не мог похвастаться каким-либо достойным образованием. Во многих вещах Призрак оставался неверо-

ятно невежественным. В этом смысле Виттория была на голову выше него. Ее любопытство поддерживалось не только потребностями ее клиентов (большинство из них ждали от Витты не только красоты, но и ума), сколько собственными потребностями в науках. Обычно Антрес не одобрял эту страсть Виттории, однако сейчас он понимал, насколько полезными могут быть ее знания.

– Но у меня нет времени ждать, когда кто-то найдет разумное объяснение, – сквозь зубы пробормотал Антрес.

– Антрес, милый, иногда спешка может только навредить. Прощлый раз, мы с тобой оба отлично это помним, ты бросился в путь сломя голову, – как и всякая женщина Виттория воспользовалась случаем, чтобы напомнить своему возлюбленному о когда-то нанесенной обиде. – И сколько же времени у тебя ушло на дорогу?

– Почти три года, – ответил Антрес, понимая, куда клонит Витта.

– Вот видишь! Если бы ты на время остановился и подумал, то весьма вероятно, что добрался до Мастера быстрее и провел бы с ним гораздо больше времени, – Виттория дергала за все доступные ей ниточки. – Антрес, скажи, что мне надо сделать, чтобы убедить тебя не спешить. Применить свой *alius*?

Угрозы Виттории применить свой *alius* красноречиво свидетельствовали о том, что она настроена серьезно. Она пользовалась подобными угрозами крайне редко, что в итоге и

убедило Антреса прислушаться к ней.

– Мне нужно побыть одному, – негромко сказал Антрес, вставая из-за стола. Он не отправился в путь не потому что Виттория его убедила. Призрак и сам понимал, что если он отправится в дорогу сейчас, то она закончится где-нибудь у океана, где Антрес будет стоять и глядеть в уходящую в бесконечность даль. И единственным его желанием будет прыгнуть в соленые воды океана и плыть до тех пор, пока силы не оставят его.

Когда Виттория осталась одна, ее охватило отчаяние. Она глубоко вздохнула и закрыла лицо руками. Девушка была готова разрыдаться. Витта чувствовала, если она не поможет Антресу найти Мастера, их отношения обречены.

Впрочем кое о чем Виттория в разговоре с Антресом умолчала. Еще в Генуе она слышала об одном мореплавателе, который полагал, что до Индии легко можно доплыть через запад. Один из друзей Виттории тогда счел эту идею не рациональной и даже более – забавной. Тем не менее имя амбициозного мореплавателя, Кристобаля Колоно или, как его называли итальянцы, Кристофоро Коломбо запомнилось Виттории. Она еще не раз слышала от самых разных людей о Кристобале. Похоже, идея о западном пути в Индию не только не покинула его голову, а пустила в ней корни, сделав его буквально одержимым ей. Колоно искал помощи у самых разных людей: от богословов до придворных. Погова-

ривали, будто он даже был на аудиенции у самих Изабеллы и Фердинанда Испанских, однако дело с мертвой точки так и не сдвинулось.

Готовая ухватиться даже за самую тонкую и ненадежную ниточку, Виттория решила во что бы то ни стало отыскать Кристобалья и обсудить с ним его мероприятие. Если его предложение действительно здраво, она обязательно поделится информацией с Антресом.

Квартирка, которую занимал Колоно, говорила о том, что ее арендодатель не богат. Она была тесной, темной и немного грязной. Кристобаль, уже седой, но все еще бодрый мужчина, метался по квартире, складывая вещи. Виттория поступалась в открытую дверь, давая Колону понять, что у него гость.

– Прошу прощения, – мило улыбнувшись, сказала она, переступая через порог. – Я полагаю, вы синьор Колоно?

Кристобаль обернулся. Роскошное платье и украшения нежданной гостьи красноречиво говорили о ее состоянии, а через чур яркие цвета наряда – о ее положении независимой женщины.

– Да, я Кристобаль Колоно. Проходите, прекрасная незнакомка. Чем я обязан такому визиту?

Виттория неспешно вошла внутрь и прикрыла за собой дверь.

– Меня крайне заинтересовали кое-какие дошедшие до

меня слухи, – девушка решила сразу же перейти к делу. – Слухи, касающиеся западного пути в Индию.

Кристобаль сразу же помрачнел. Он уже почти что отчаялся получить какую-либо поддержку в этом мероприятии.

– Вы хотите мне помочь? – напрямик спросил он.

Витта немного кокетливо рассмеялась.

– Не так скоро, милый Кристобаль. Прежде я хочу убедиться, что предлагаемая вами экспедиция действительно поможет открыть нам новый морской путь к странам Востока. Почему вы так уверены, что там, на западе, нас ждут земли, а не... конец земли? – Виттории было немного стыдно перед собой высказывать такие откровенно бредовые мысли об устройстве их мира, но надо же было как-то начать разговор?

Настала очередь Колоно улыбаться.

– Прекрасная донна, вы когда-нибудь видели, как корабль приплывает в порт?

– Да, – кивнула Витта. – Я много лет жила в Венеции.

– Значит, вы должны были видеть, как на горизонте сначала появляются мачты, а потом уже сам корабль.

– Да, я видела такое, – подтвердила Виттория, понимая, куда клонит ее собеседник.

Кристобаль подошел к столу и взял лежащую на нем карту мира.

– Это оптическое явление было бы возможно только если Земля не плоская, как лист бумаги, а круглая. А это зна-

чит, – он свернул карту в цилиндр так, чтобы океан у берегов Японии слился с океаном, что лежал западней Португалии, – мы ближе обеим Индиям, чем мы думаем.

Глядя на свернутую карту, Витта удивлялась, как никто раньше не додумался о такого.

– Весьма любопытно, синьор Колоно. А как вы думаете, могут ли на юго-западе, где, как мы сейчас думаем, лишь сплошной океан, оказаться неизведанные земли?

Кристобаль задумался.

– Вполне возможно, донна.

Задумавшаяся Виттория отошла к окну, с которого открывался живописный вид на рыночную площадь. История позже не раз докажет, что ум, возможно, не самый острый и гениальный, но находящийся как бы чуть в будущем, способен предугадать не открытые еще вещи. Вывод, который предстояло сейчас сделать Витте, не мог поначалу улечься в ее прекрасной головке. Но ум девушки и развившее его образование убедительно доказывали ей, на западе будет не Индия и не Япония, как предполагает Кристобаль Колоно, на западе будет новая земля, где, как чувствует Антрес, живет новое воплощение Мастера.

– Я готова вам помочь, Кристобаль, – негромко сказала Витта.

– Для моей экспедиции потребуется очень много денег, – предупредил ее Колоно.

– Сколько? – деловито спросила она.

Кристобаль назвал сумму. Она действительно была баснословной.

– Я постараюсь вам помочь, – твердо сказала она. – Но прежде вы должны мне пообещать выполнить одну любую мою просьбу, связанную с экспедицией.

– Прекрасная незнакомка, если моя экспедиция все-таки когда-нибудь состоится, я буду готов выполнить все, что вы пожелаете. Только не просите, пожалуйста, продать душу, – пообещал взволнованный Кристобаль.

– За вашу душу не беспокойтесь. Кстати, можете называть меня Витторией, – очередной намек Колоно на то, что она не представилась, наконец-то был понят девушкой. – Я вижу, вы готовитесь к отъезду?

Витта указала на дорожные сундуки.

– Да. Я уезжаю в Кордову. А оттуда, возможно, во Францию. Но если мне стоит остаться...

– Вам не стоит менять свои планы, – покачала головой Виттория. – Моя помощь пока более чем условна. – А затем в голосе Витты зазвенели колокольчики. – Наш разговор останется тайной. Ты будешь всегда его помнить, но никому о нем не скажешь.

Кристобаль кивнул. Как и большинство обычных людей он не мог сопротивляться *alius* Виттории. Обезопасив себя таким образом, девушка могла с чувством выполненного долга оставить Колоно дальше паковать свои вещи.

Вернувшись домой, Витта обнаружила Антреса в крайне не типичном для него месте – библиотеке. В каждом их доме библиотека, совмещенная с кабинетом, устраивалась исключительно по прихоти Виттории. Никогда особо не проявлявший интереса к книгам Антрес обычно заходил в кабинет, только если там находилась Витта. Именно поэтому девушку удивилась, обнаружив Антреса в библиотеке. Призрак метался от полки к полке, доставая то одну, то другую книгу. Некоторые из них он не возвращал на место, а клал на стол, который, казалось, готов был уже рухнуть под тяжестью сложенных на нем фолиантов.

– Антрес, что ты делаешь? – спросила Витта, вспомнив, что она должна сохранять спокойствие, чего ей бы это не стоило.

– Я должен найти ответ, понять, где находится Мастер. Ты мне всегда говорила, в этих книгах собраны все знания человечества. Так может ответ найдется.

Паникующий Антрес выглядел одновременно смешно и беззащитно. Витта и представить себе не могла, что ее смелый и бесстрашный ассасин может суетиться и волноваться, как истеричная барышня. С другой стороны, такие нетипичные для Антреса чувства могло вызвать действительно непреодолимое препятствие.

– Там есть земля, – негромко сказала Витта.

Антрес остановился и с удивлением взглянул на девушку.

– Что?

– Где-то там на юго-западе есть земля, неоткрытая земля. Там и живет Мастер, – Витта, которая буквально еще минуту назад сомневалась в своей догадке, сейчас уверовала в нее со страшной силой. – Иначе, твое чувство никак не объяснить.

Отведя взгляд, Антрес молчал.

– Я знаю, как тебе помочь. Только ты должен довериться мне. Я все устрою. Не задавай вопросов. И не мешай мне, – Виттория тараторила, боясь, что Призрак перебьет ее. Она подошла очень близко к Антресу, взяла его за руку. – Верь мне. Я сделаю все ради того, чтобы ты встретился с Мастером.

Их взгляды пересеклись. Витта боялась, что Антрес не послушает ее и совершит что-нибудь опрощивое. А во взгляде Призрака же было столько благодарности. Одной рукой он привлек Витторию к себе и крепко обнял ее.

– Ты лучшая, Витта, – он нежно чмокнул девушку в лоб. – Делай все, что считаешь нужным. Я буду смиренно ждать.

Витта очень редко пользовалась золотой шелковой лентой, которую для нее сделал Мастер. Она считала, лента – это тайное оружие, что следует применять только в крайних случаях. Сейчас был как раз достойный повод украсить волосы этой удивительной вещью. Она шла на аудиенцию к Изабелле, королеве Кастилии и Леона.

Около двух месяцев назад пала Гранада. Королева вернулась в Вальядолид и сейчас активно общалась со своими

подданными, решая дела, накопившиеся за годы войны с мусульманами. Многие пытались договориться о встрече с ее высочеством, однако не всем это удавалось. Витта не сомневалась, что Изабелла примет ее. Когда советник отказал ей, девушка не растерялась. Она взяла лист бумаги, написала на нем одно слово и сказала:

– Вы можете передать записку ее высочеству? – Виттория протянула сложенный листок советнику.

– Я вам не мальчик на побегушках! – возмутился советник.

Витта очень внимательно посмотрела на мужчину, применяя свой усиленный лентой *alius*. Через секунду он, не сказав ни слова, выхватил записку из ее рук и ушел. Не прошло и двадцати минут, как Витторию попросили пройти в покои Изабеллы.

Виттория много слышала о королеве Кастилии и Леона. Со стороны она казалась скорее легендой, выдуманным персонажем, уже вписавшим себя в историю, чем живым человеком, имеющие как сильные стороны, так и слабые.

Перед Виттой сидела стареющая женщина, чье лицо, вероятно и в молодости не славившееся особой привлекательностью, сейчас уже потеряло всякое очарование. На нем выделялись только яркие и очень выразительные зеленовато-голубые глаза. Рядом с Изабеллой красота Виттории особенно выделялась. Однако во внешности королевы было

нечто поважнее милovidности – усилившееся с возрастом благородство и властность.

– Ваше величество, – Витта присела в неглубоком реверансе.

Изабелла подняла взгляд на девушку:

– Это ты передала мне сию записку? – она показала бумагу, с выведенным на ней словом “Alius”.

– Да.

– Что означает твое послание? – последовал новый вопрос.

– То, что я – alius, – Виттория сама удивилась тому, насколько легко ей далось это признание. Быть alius означало иметь в жизни огромную тайну, которую ты будешь оберегать всеми силами. Витту с самого начала предупредили, большинство правителей, да и вообще людей, обладающих властью, знают об этом феномене. Многие пытаются заполучить своего alius любой ценой.

Раскрыв свою тайну Изабелле, Виттория тем самым подвергла себя серьезному риску. Но сейчас ей было все равно.

Королева пристально смотрела на девушку и молчала. Витту эта напряженная тишина не мало смущала, поэтому она поспешила добавить:

– Уверена, вы знаете, кто мы такие и на что способны.

– Да, я знаю, – перебила ее Изабелла. – Для меня так же не является секретом, что обычно вы себя не раскрываете. Поэтому меня терзают смутные сомнения о цели вашего ви-

зита. Если вы пришли, чтобы помочь, то, скажу прямо, ваша помощь могла бы поступить и раньше, когда я воевала против мусульман. Если же наоборот, помощь нужна вам, то я даже боюсь представить, в насколько же сложной ситуации вы оказались, что отважились обратиться не к своим друзьям *alius*, а ко мне.

Проницательность королевы поразила Витторию. Девушки едва хватило выдержки, чтобы на ее лице не отобразилось ни одной эмоции.

– Я действительно пришла просить Вашей помощи, – не стала отрицать Витта. – Однако я поступаю так не от отчаяния. Я могла бы решить проблему самостоятельно. Но так я бы подверглась большему риску, чем я подвергаю себя сейчас. В лучшем случае, меня обвинили бы в ведьмовстве, в худшем – мой *alius* раскрылся бы публично. И я подставила не только себя, но и своих друзей.

– И, тем не менее, вы раскрыли свой секрет мне? – Витте так и не удалось запутать Изабеллу. – Почему?

– Я хочу предложить вам сделку, – на лице Виттории появилась легкая полуулыбка, которая свидетельствовала о том, что она наконец-то почувствовала уверенность в собственных силах.

– Сделку? – удивилась королеву. – Вы рискуете всем ради какой-то сделки?

Витта снисходительно хмыкнула.

– Это не просто сделка, ваше величество, – а потом де-

вушка резко сменила тему разговора. – Вы знаете, почему alius боятся связываться с правителями?

Переход к новой теме немного смутил Изабеллу, однако она ответила на вопрос Витты.

– Подозреваю, – королева слегка склонила голову на бок. Камни в ее небольшой короне, украшенной золотыми листьями граната, блеснули, отражая скупой свет свечей.

– Пожалуйста, поделитесь своими соображениями, – попросила Виттория.

Изабелла на секунду задумалась. Порой ты понимаешь какие-то вещи настолько хорошо, что сложно подбирать слова, описывающие эти вещи, ведь слова не все могут передать.

– Вы боитесь нас, потому что мы знаем о вашем существовании. Многие властители ищут вас. И вы боитесь, что отыскав, они лишат вас свободы, – наконец сказала Изабелла.

– Красиво сказано, ваше величество, – восхитилась Виттория. Ей на жизненном пути давненько не попадались женщины чьим красноречием она могла восхищаться. – И, к тому же, сказано верно. Лишь в одном я вас поправлю. Не король лишает alius свободы. Сам alius отказывается от нее, ради службы великому государю. Каждый из нас имеет право раз в жизни, и только раз, принести клятву безоговорочной верности человеку, обладающему властью, и стать его оружием, советником, другом, иногда любовником пока смерть нас не разлучит. Вероятно, вы удивляетесь, почему бессмертные и мудрые alius готовы жертвовать своей сво-

бодой ради человеческих правителей? Я вам отвечу. Власть нам не доступна, однако это не означает, что она не притягивает нас. Мы не можем носить царственный венец, но, дав клятву, мы сможем встать позади того, кто сидит на троне. И я готова дать вам эту клятву, взамен прося лишь одну услугу.

Изабелла немного рассеянно смотрела на Витторию, тем не менее внимательно слушая её. Королева чувствовала, как от волнения дрожат ее руки. Витта вызвала у Изабеллы доселе невиданное ей чувство избранности, какое она не испытывала даже тогда, когда брат сделал ее наследницей трона Кастилии. К ней пришло уникальное существо, пришло само. Ей казалось, что перед ней стоит не красивая женщина, одетая в богатое платье, а единорог, волшебное существо, являющееся не каждому. И это вызвало у Изабеллы невероятный восторг.

Королева смяла записку, что прислала ей Виттория, и швырнула ее в камин. Огонь быстро превратил желтоватую бумагу в невесомый пепел.

– О какой услуге идет речь? – спросила Изабелла.

И хотя королева еще не сказала окончательного «да», Виттория уже знала, что их сделка состоится. Она шагнула ближе к Изабелле и сказала:

– Вам наверняка известен человек по имени Кристобаль Колон...

Образ прекрасной незнакомки, посетившей его незадолго

до отъезда в Гранаду, ни на мгновение не покидал Кристо-баля Колона. Это было частично связано с красотой Виттории, которая мало кого оставляла равнодушным. А так же с ее намеком помочь ему в организации экспедиции на запад. Поэтому, когда Кристобаль получил письмо от ее высочества королевы Кастилии и Леона, он решил, что наверняка за этим приглашением стоит очаровательная девушка Виттория.

Каково же было его удивление, когда, прибыв на встречу с Изабеллой, он увидел Витту. Она стояла позади трона королевы, и в белом платье с распущенными золотыми локонами напоминала ангела, что оберегает бравую освободительницу Испании. Кристобаль не мог отвести взгляда от Виттории и только слова Изабеллы невольно вытягивали его из мира грез, куда Колона стремительно затаскивала еле заметная улыбка Витты. А королева, действительно, пообещала ему не мало. И хотя денег на экспедицию она, увы, дать не смогла, дворянский титул и титул вице-короля всех земель, что он откроет, уже были ему обеспечены.

Колон понимал, на одном королевской благословении далеко на запад он не уедет. Однако оказываемая ему помощь на этом не закончилась. Вскоре после того, как Кристобаль вернулся в обшарпанную комнату, что он снял на пару дней, молоденький посыльный доставил ему анонимную записку, содержащую лишь совет обратиться за помощью к Мартину Пирсону. Записка была написана женским почерком, так

что Колон решил, это вновь помощь от золотоволосого ангела Виттории.

После знакомства с Мартином Пирсоном дела Кристобалья пошли на удивление удачно. Подготовка к экспедиции шла полным ходом. И лишь одно омрачало жизнь будущего первооткрывателя Америки – данное когда-то Виттории обещание.

За несколько недель до отплытия «Пинты», «Ниньи» и «Санта-Мари» на небольшой скромной пристани города Палос-де-ла-Фронтера появилась одна пара: девушка в светло-розовом платье и с жемчугами в волосах, которую под руку вел смугловатый атлетично сложенный молодой человек. Колон издали заметил блестящие на суровом летнем солнце волосы Виттории. Он видел, как девушка о чем-то спросила какого-то матроса. Паренек указал в сторону Кристобалья. Тот понял, пришло время выполнять случайно данное обещание.

– Синьор Колон, – нарочито кокетливым голосом позвала его Витта. – Я могу в сами поговорить?

Кристобаль быстро спустился с «Ниньи». Он заметил, как Виттория перешептывалась с сопровождавшим ее молодым человеком, который казался холодным и спокойным, как мраморная статуя.

– Я вижу подготовка в самом разгаре, – Витта доброжелательно улыбнулась, увидев спустившегося на пристань Кристобалья.

– Да, мы активно готовимся к отходу, – сообщил Колон. – Команда уже собрана. К сожалению, она не такая большая, как мне хотелось бы. Но, с другой стороны, это позволит не отягощать корабли излишними запасами.

– Весьма разумно, – признала Виттория. – Позвольте вам представить моего друга Антреса. Антрес, это тот человек, про которого я тебе говорила. Это Кристобаль Колон.

Мужчины в знак приветствия поклонились друг другу.

Лишь после завершения этой маленькой формальности, Антрес смог внимательно разглядеть Кристобаля. Хитрость Витты не пришлась по душе подозрительному ассасину, однако познакомившись с Колоно, он понял, почему девушка сделала ставку именно на этого человека. У Кристобаля был взгляд мечтателя, взгляд, какой редко встречается у людей, а у *alius* вообще никогда. Но перед Антресом стоял не просто утонувший в своих грезах, а человек, что развил свою мечту, проработал ее до малейших деталей и, наконец, сделал делом своей жизни. Если у Призрака раньше были сомнения, то сейчас он вынужден был признать, если кто и доставит его на юго-запад, так это Кристобаль Колон.

– Я надеюсь, вы не забыли о данном мне когда-то обещании? – спросила Виттория, шурясь от яркого солнца.

На мгновение у Кристобаля возник соблазн обвинить девушку в том, что она требует выполнения обещания, хотя и пальцем не пошевелила для организации его экспедиции. Однако он не осмелился отказаться от данного когда-то сло-

ва. И причиной тому был отнюдь не холодный, как кинжал убийцы, взгляд Антреса.

– Я все помню, синьора, – негромко сказал Колон.

Витта ослепительно улыбалась. Эта улыбка сражала мужчин наповал, как длань небесная.

– Я никогда не сомневалась в вашей памяти, синьор Колон, – промурлыкала девушка. – Моя просьба очень проста – возьмите с собой в экспедицию моего друга Антреса.

Кристобаль недоумевал. Просьба Виттории не была ни простой, ни сложной. Скорее ее можно было охарактеризовать как странную. Неужели стоило приглатать столько усилий лишь ради того, чтобы отправить своего друга (о характере «дружбы» между очаровательной Витторией и мрачным Антресом Колон сразу же догадался) в далекое и рискованное путешествие?

– Вы моряк, синьор Антрес? – спросил Кристобаль.

– Нет, – покачал головой Призрак.

– Но, вижу, вы сильны, – Колон оценивающе оглядел юношу. – Вы можете быть матросом.

Антрес неопределенно пожал плечами. Ему было все равно в каком статусе плыть к Мастеру.

Тем временем Виттория шагнула к Кристобалю. Она коснулась его предплечья.

– Мой друг Антрес, конечно, не моряк, но он отлично чувствует направление, – произнося эту фразу, Виттория воспользовалась своим *alius*. – Я бы рекомендовала прислуши-

ваться к его советам.

Услышав в голосе Витты звон колокола, Антрес нахмурился. Ему не нравилось, что девушка применяет *alius* в местах, где кто-то случайно может услышать странные звуки, сопровождающие ее речь. Призрак понял, хватит уже прятаться за юбкой Виттории. Пора действовать самому.

– Синьор Колон, – окликнул моряка Антрес, – не покажете ли мне ваш корабль?

Кристобаль отвлекся от Виттории. Его золотоволосый ангел, конечно, была очень мила, но рядом с ней он испытывал ту естественную неловкость, что свойственная всем мужчинам, которым приходится иметь дело с красивой женщиной. Но корабли были его миром, местом где он чувствовал себя уверенным, не зависимо от внешних обстоятельств, поэтому он с должным интуизмом отозвался на просьбу Антреса.

– Вообще-то в экспедиции применяет участие три корабля, – радостно сообщил Колон.

Когда мужчины поднялись на борт «Ниньи», Виттория поняла, она уже сыграла свою роль в этой истории. Последние несколько месяцев были очень тяжелыми, даже ужасными. Но оно того стоило. До сегодняшнего дня Антрес ходил мрачным и хмурым. Теперь же в его глаза вернулся прежний блеск.

И хотя ей было больно от того, что ее любимый скоро отправится в экспедицию, на душе у Витты было невероятно спокойно. Не зависимо от того, каким будет результат путе-

шествия Антреса, она уже вышла победительницей, дав Призраку возможность отыскать старого друга.

Вокруг было только бескрайнее спокойное море и нежно-голубое, без единого облачка, небо над ним. Нет ни вездесущих чаек, ни выпрыгивающих из воды дельфинов. Только океан, небо и три корабля, что резво мчатся на запад на всех парусах.

Рожденный дитем пустыни, Антрес до этой экспедиции с подозрением относился к морю, считая его еще более переменчивым, чем настроение Виттории. Теперь же он влюбился в эти волны, в это небо, в этот ветер, что оставлял соль на губах. Почти все свое свободное время Антрес старался проводить на палубе. Он чаще других в команде брал ночные дежурства, чтобы никто не мешал ему любоваться морем и, видной только в ясные ночи, белую реку, что протекает по небу. Несмотря на гнетущее чувство, связанное с Мастером, Призрак ощущал умиротворение, какое бывает только когда человек телом и душой сливается с природой.

Соратники-матросы быстро привыкли к замкнутости Антреса и, принимая это как должное, лишней раз не лезли к нему. Кристобаль Колон, напротив, проявлял к протее Виттории крайний интерес.

По началу, пока еще корабли не вышли в море, интрес Кристобаля проявлялся активно, но все же не особо навязчиво. Он много о чем спрашивал Антреса. В целом вопросы

носили общий характер, не касались ничего личного. Обычно молчаливого Призрака излишняя болтовня раздражала, однако он вполне охотно отвечал на все вопросы, понимая, что не стоит портить отношения с человеком, кто может отвезти тебя к Мастеру. Позже Кристобаль стал просто наблюдать за Антресом. Встретившись с ним на палубе, он мог даже ничего не сказать юноше. Тем не менее его пронзительный взгляд ясно говорил о том, что Призрак находится под пристальным вниманием.

Призрак замечал, что иногда *alius* Витты срабатывает очень странным образом: жертва считает слова девушки не приказом, а ценным советом. Очень часто они следуют данному совету, но, если в человеке крайне сильна рациональность, то он подсознательно может найти причины не следовать ему. Нечто подобное произошло и с Кристобалем Колоно. Он проявлял интерес к Призарку именно потому, что не знал, стоит ли прислушиваться к совету Виттории или нет.

Антрес понимал, если Кристобаль решил проигнорировать приказ Витты, то в конечном счете они найдут все что угодно, но не ту землю, где живет новое воплощение Мастера. На Колоно следовало надавить. Но только не прибегая к использованию грубой силы.

Поэтому Антрес решил воспользоваться излюбленным оружием Виттории и пустить слух.

Он специально взял вечернее дежурство. На палубе уже мало кто ошивался, но команда еще не спала. Моряки сидели

в кубрике и травили друг другу байки о знойных портовых девках и прочей ерунде.

– Так вот, ведет меня эта красотка в красном корсете наверх в комнаты... – рассказывал сальную историю Хуан Кордеро, бывалый морской волк. – Антрес, хитрый пес, что ты здесь делаешь? У тебя же дежурство. Решил дезертировать?

– Просто замерз, – отмахнулся Призрак. – Ночи стали заметно холоднее.

Антрес взял одеяло со своей подвисной кровати, закинул его на плечо.

– Уж не слишком ли мы загнули на север. Как бы Японию не проскочили, – невзначай бросил юноша, уходя.

Антрес не видел лиц моряков, но что-то ему подсказывало, семена слуха вскоре дадут богатые всходы. Следующие два дня он получал невероятное удовольствие, наблюдая, как идея о «пропущенной Японии» плавно переходит из разговоров, ведущихся полусшепотом, до бурных обсуждений. До ушей Кристобаля обрывки разговоров конечно же долетали, однако он не воспринимал их всерьез, пока команда поставила его перед фактом – нужно взять на юго-запад. Колон пытался спорить, но что-то очень убедительное было в манере команды добиваться своего. Перед тем, как сдаться, Кристобаль посмотрел на Антреса и спросил:

– Что нам нужно взять курс на юго-запад?

Антрес вместо ответа просто кивнул. Чувство, говорившее ему, где находится Мастер срабатывало лучше всякого

компаса. Мастер был по-прежнему не очень близко, но следовало взять южнее, чтобы добраться до него по наиболее прямому пути.

Не прошло и недели, как корабль огласил самый желанный для любого моряка крик: «Впереди земля!» и утром следующего дня Кристобаль Колон высадился на берег, чтобы сразу же объявить эту землю владением Испанской короны.

Антрес отнесся ко всему происходящему весьма неоднозначно. С одной стороны, полностью подтвердилась гипотеза Виттории. С другой – интуиция говорила ему, что-то здесь не так. Не может быть, чтобы ключ в местонахождении Мастера заключается в острове, населенным дикими людьми, что не носили одежды. Мастер всегда появлялся при цивилизации, как некоторое отражение человеческого прогресса. А прогресса в смуглых людях, чьи тела были разрисованы странными узорами, Антрес не замечал.

Позже три корабля свернули к югу, что было немного не в направлении Мастера, но Антрес молчал. Он пытался разобраться. Антрес наблюдал за новыми землями и людьми, которые так доброжелательно относились к белокожим пришельцам. Его пугало стремление Кристобаля найти золото. Зная финансовую ситуацию Колоно, Антрес не удивлялся, почему его так тревожат вопросы обогащения. Тем не менее решение новоиспеченного вице-короля новых земель плыть на восток заставило Антреса действовать.

В экспедиции был еще один человек, над чьим разумом

автивно поработала Виттория – это Мартин Пирсон, капитан «Пинты», который помог Кристобалию с деньгами. Антрес перебрался с «Санта-Марии» на меньшую по размерам «Пинту» чтобы поговорить с Мартином.

– Добрый вечер, синьор Пирсон, – Призрак материализовался посреди каюты Мартина.

– Ой, – вздрогнул капитан «Пинты», – Антрес! Ты меня напугал. Я не видел, как ты вошел.

– Вы не могли этого увидеть, – Антрес подошел к столу, за которым сидел Мартин, и сел напротив.

Мартин усмехнулся.

– Ты смешной, – сказал он, не отвлекаясь от заполнения бортового журнала. – Виттория рассказывала о тебе, но ты никогда не казался мне тем, кто умеет шутить.

– А я и не умею шутить, – хмуро ответил Антрес. – Зато я умею всеми способом добиваться своей цели. И сейчас я как раз этим и занимаюсь.

Мартин вскинул брови.

– Чего-то я не понимаю... – обескуражено пробормотал капитан «Пинты».

– Отправляясь в это путешествие, я рассчитывал на то, что синьор Колон человек, похожий на меня, который никогда не собьется с поставленной перед собой цели. Но сейчас я вижу, что его стремление к озолочению заставило его забыть об том, что он действительно искал.

– А причем тут я? – Пирсон отложил перо и внимательно-

но слушал Антреса. С самого первого дня знакомства с Призраком он казался Мартину странным и пугающим. Сейчас же капитан нашел более подходящее Антресу слово – таинственный. Только ты начинаешь понимать, что творится в его голове, так он выдает то, что прямо говорит: нет, друг, не понять тебе меня.

– Ваши глаза, – Антрес пристально посмотрел на Мартина. Капитан поежился под взглядом этих серых глаз. – Они не блестят, когда речь заходит о золоте.

Мартин покачал головой:

– Ты не прав. Я купец, торговец, человек, делающий деньги. И ты утверждаешь, что от золота у меня не блестят глаза?

На лице Антреса возникла ироничная улыбка. Его всегда веселили элементарные заблуждения, к которым склонны все, в том числе и достаточно образованные люди.

– Виттория – продажная женщина, но она умеет любить по-настоящему. Купца тоже могут интересовать не только деньги. Вы согласились помочь Кристобалью, потому что в вас есть страсть к исследованию, которая сильнее тяги к золоту.

– Возможно, ты прав, но все равно, объясни, чего ты добиваешься? – недоумевал Мартин.

– Я предлагаю вам плыть дальше на запад. Я уже бывал в Китае и Индии и могу вас уверить, эти острова лишь жалкое подобие этих двух стран, – Антрес умело смешал блеф с правдой. – Пускай «Нинья» и «Санта-Мария» поворачивают

на восток, а мы с вами двинемся дальше, к тем местам, где таятся истинные богатства. Давайте вместе найдем путь туда.

Призрак говорил настолько убедительно, что на мгновение воля Мартина дрогнула, он был готов плять туда, куда скажет странный друг Виттории. Но это длилось всего мгновение.

– Моя «Пинта» слишком мала, чтобы продолжить путешествие в одиночку, – заявил капитан.

– Вы недооцениваете свой корабль, – усмехнулся Антрес. Он нашел аргумент Пирсона до забавности слабым.

– Возможно, – не стал пререкаться Мартин. – Но я полагаюсь на свое благоразумие, которое говорит мне отказаться от вашего, на первый взгляд заманчивого предложения.

Закончив говорить, Мартин Пирсон внимательно посмотрел на Антреса. Ему было интересно, как отреагирует его собеседник на отказ.

Несколько секунд Призрак неподвижно сидел. Казалось, он о чем-то крайне напряженно думает. Как ни странно, но такое поведение Антреса заставило нервничать капитана «Пинты». Он просто не понимал, чего ожидать в следующий момент.

И это было вполне оправданным опасением.

Как только Антрес осознал, что либеральные методы, которые так любит Виттория, не срабатывают, он счел нужным решить вопрос по-своему.

Призрак растворился в воздухе, чтобы уже через мгнове-

ние оказаться позади Мартина. Антрес заломил руку капитану «Пинты» и резким движением прижал его лицом к столу. Пирсон даже пикнуть не успел.

– Как я уже говорил вам сегодня, я сделаю все, чтобы добиться своей цели. Если это путь угроз и применения силы, то, что ж, так тому и быть. Мы поплывем дальше на запад, синьор Пирсон, только вы можете поплыть туда с ушами или без них, решать вам.

– Да ты псих! – завопил Мартин, пытаясь вырваться. – Тебя повесят на рее!

– Возможно, – равнодушно пробормотал Антрес. – Но ты уверен, что сможешь это увидеть своими глазами.

Острием кинжала он провел от межбровья по лбу и далее по уху к шее. Призрак чувствовал страх Пирсона, его частое дыхание, которое он пытался сделживать. Антреса умиляло, как быстро люди теряют над собой контроль перед лицом опасности.

– Я вас сразу предупредил, синьор Пирсон, – продолжил Антрес, – я не умею шутить.

Кинжал нырнул в густые волосы Мартина. Через секунду на стол посыпалась короткая стружка волос. Пирсон затаил дыхание. Он понимал, это пока только волосы, которые быстро отрастут. Чувствуя холод лезвия у себя за ухом, Мартин вдруг осознал, а есть оказывается что-то рациональное в предложении психа. Плывать дальше на запад? Ну, а что в этом такого.

– Витте нравились ваши уши, синьор Пирсон, – угрожающе и одновременно как-то танственно происнес Антрес. – Думаю, когда я привезу их ей в бархатной коробочке, она долго сможет ими любоваться.

– Прекрати! – закричал Мартин. – Остановись! Я согласен! Да, мы поплывем дальше на запад. Ты доволен, псих. Да, доволен?

По правде говоря Антрес не ожидал, что капитан «Пинты» так быстро сдаться. По расчетам ассасина боль, а не ее предчувствие, должна была стать отличным стимулом.

– Как я могу быть уверен, что твои слова не пусты? – спросил Антрес.

– Я... я не знаю, – растерялся Мартин. – Но я не вру. Я готов подтвердить свои слова чем угодно. Я действительно отдам приказ взять курс на запад, как только покину эту каюту. Как мне заставить тебя верить мне?

Антрес несколько секунд молчал. Затем он отпустил захват и, схватив Мартина за воротник, усадил его прямо. Призрак пододвинул к недоумевающему капитану перо и бумагу.

– Пиши, – приказал Антрес. – Я, Мартин Алонсо Пинсон, этим документом от 19 ноября 1492 года передаю собственность на «Пинту» синьору Антресу.

Перо дрожало в руке Мартина. Он понимал, какой инструмент воздействия получает Антрес. Пинсон искренне любил свой корабль. Он не представлял себе, как он сможет пережить потерю своей «Пинты».

– Подпиши и поставь свою печать, – твердо сказал Антрес. – Я не воспользуюсь этим документом, если ты поведешь корабль дальше на запад. Хочешь сохранить «Пинту», сделаешь все, что я скажу.

Мартин отложил перо, взял свечу, налил немного расплавленного воска на документ и ткнул в него своим перстнем-печаткой. Потом капитан «Пинты» протянул бумагу Антресу.

– Ты доволен, псих? – с вызовом сказал он.

Антрес вскольз взглянул на документ, чтобы проверить, все ли в нем было правильно.

– Почти, – спокойно ответил Антрес и, схватив Мартина за шиворот, поставил его на ноги. – Пойдем. Ты отдашь приказ своей команде.

И Призрак силком потащил Пинсона на палубу. Капитан даже не пытался сопротивляться. Это было бесполезно. Чертов псих добился своего, и теперь Мартину не остается ничего, кроме как плыть дальше на запад.

Антрес отпустил Пинсона, как только они оказались на палубе перед лицом большей части команды. Призрак понимал, сейчас капитан «Пинты» полностью в его власти и он сделает все, действительно все, чтобы сохранить свой корабль.

– Говори, – Призрак сказал это так, чтобы его услышал только Мартин.

Мартин нервно сглотнул и нарочито бордым и уверенным

голосом произнес:

– Мой славный экипаж, я принял решение отделиться от «Ниньи» и «Санта-Марии» и продолжить наш путь на запад.

На мгновение на «Пинте» воцарилась тишина. Команда недоуменно смотрела на капитана. Потом послышался чей-то крик:

– А как же золото, капитан?

Слух о том, что нагие жители указали Кристобалью Колоно путь к золотым берегам, уже несколько дней ходил по всем трем кораблям. И каждый член экспедиции мечтал получить свой кусок этого драгоценного металла.

Мартин через плечо взглянул на Антреса. Псих смог подчинить его, но ему не справиться с желанием всей команды найти золото. Возможно, через свой экипаж получится переиграть Призрака?

– На корабле все бесприкословно должны слушать своего капитана, – напомнил Антрес, который казалось прочитал мысли Мартина.

Пинсон ругнулся про себя, осозновав, что он столкнулся не с тем противником, которого можно перехитрить.

– Азия полна золота, – безапелляционным тоном заявил капитан «Пинты». – Мы найдем другие места, где золото будет только для нас. Не для «Ниньи». Не для «Санта-Марии». Только наше. Азия велика, прекрасна и богата. Если мы достигли только бедного Китая, где уже смогли заполнить трюмы вещами, за которых на родине королева нас осыпит зо-

лотом, то что же мы привезем из сказочной Индии?

Как ни странно, команда поверила Мартину. Каждому его слову, где не было ни капли истины. И «Пинта», не предупредив другие экипажи, повернула на запад.

Почти неделю «Пинта» плыла вдоль берега какого-то очень большого острова. Команда хотела причалить и осмотреть берег, но Антрес устами капитана Пинсона приказывал плыть дальше. Как только остров скрылся за горизонтом, почти одновременно произошли два события.

Сменился ветер. Вместо несильного, идеального для мореплавателей западного ветра, с юга задул, как выразился старик-плотник, «злой» ветер. Вместе с ним набежали тяжелые грозовые тучи, которые пока лишь угрожающе висели над «Пинтой».

В тоже самое время у Антреса проснулось странное чувство тревоги. Это чувство перекрыло даже зов Мастера. Оно мешало думать и адекватно все воспринимать. Антрес понимал, что-то не то. Не в пути, которым он идет к своему старому другу, а в чем-то другом. Но в чем, другом?

Призрак сидел на палубе, на самом носу, смотрел вперед и пытался побороть это странное чувство. В голове вертелась лишь одна мысль: найти Мастера, как можно скорее найти Мастера. И тогда закончится все. И тревога, и зов, и отчаяние. Тогда все будет хорошо и спокойно. Почти также, когда рядом его Витта и преданный кинжал.

Однако тревога не проходила, наоборот, она становилась

сильнее, переходила в панику, порождающую гнев. Обычно Антрес легко контролировал свои эмоции, особенно те, которые мешали ему принимать взвешанные решения. Поэтому его так сильно злило, что сейчас он не может взять себя в руки.

Вместе с тем погода испортилась окончательно. Ветер стал настолько сильным, что Мартин Пинсон приказал убрать паруса. «Пинта» прыгала на поднявшихся волнах. Ее нос поднимался вверх, чтобы потом резко рухнуть вниз. Опытные моряки советовали развернуться, не плыть в сердце шторма. Капитан рад был бы их послушать, но страх лишиться «Пинты» был по-прежнему сильнее страха за свою жизнь. Он приказал команде обвязаться веревками и молиться, а сам стал не отрываясь смотреть на Антреса. Мартин удивлялся, почему падающие на палубу волны не причиняют никакого вреда Антресу. Казалось, он даже оставался сухим, хотя все, кто находился на палубе, уже промокли до ниток. Пинсон понял, он боится Антреса, как заяц боится волка. И бумага, что он подписал, была совершенно не при чем.

Когда в небе блеснула яркая вспышка, сопровождаемая оглушительным грохотом, и по палубе забарабанил дождь, Мартин решил действовать. Он отвязал от своего пояса веревку и двинулся в сторону носа, намереваясь положить конец этому безумию любой ценой.

– Антрес, мы должны повернуть, – Закричал Мартин,

приблизившись к Антресу – Это безумие! Нам нельзя идти дальше в бурю. Давай повернем. Как только ураган закончится, я обещаю тебе, мы продолжим путь.

Он не видел лица Призрака, но капитан был и уверен, что Антрес никак не отреагировал на его мольбу. Бунтарь продолжал неподвижно сидеть. Казалось, ничего его не волновало: ни качка, из-за которой Пинсон еле стоял на ногах, ни ветер, что пронизывал насквозь, ни усиливающийся с каждой минутой дождь. Тем не менее, Антрес услышал Мартина. Голос капитана прорвался сквозь помутившую его разум панику и дошел до глубины сознания ассасина.

– Нет, – отозвался Антрес. – Мы должны плыть дальше. Времени очень мало.

Не сам отказ разозлил капитана, а та обреченность, с которой он был сказан. Море не терпит пораженцев и упрямцев. Оно их губит. Не важно, что там на уме у психа, совершенно не важно. Потому что это не правильно. И это безумие нужно прекратить любой ценой.

Дождавшись того момента, когда корабль снова пойдет вверх на гребень волны, Мартин рванул к Антресу. Он схватил его за грудки, заставил подняться.

– Послушай меня, Антес, я не знаю, что тобой движет и почему тебе так нужно на запад, но я знаю другое. Сейчас путь продолжить нельзя. Если ты хочешь достичь своей цели, сейчас ты должен отступить.

Антрес хотел очередной раз ответить отказом, но «Пин-

та» резко нырнула вниз и оба мужчины, не удержавшись на ногах, упали. Тем не менее, Мартин не ослабил захвата.

– Ты видишь, все идет против тебя.

Но этого Антрес уже не услышал. Его волнение развилось до такой степени, что оно почти ослепило его. Мартин что-то еще кричал ему, однако слова уже не доходили до ушей Призрака. Как он хотел в тот момент обладать способностью моментально перемещаться в пространстве. Антрес мечтал закрыть глаза, представить себе Мастера и оказаться рядом с ним.

Мастер, Мастер, Мастер – упрямо повторяло сознание Призрака, подавляя все инстинкты ассасина. Он ничего не воспринимал, ничего не слышал и даже почти ничего не видел.

А потом, в один миг, все исчезло и на Антреса лавиной обрушился окружающий его мир. Он уловил завывание ветра, почувствовал пробирающий до костей холод дождя, услышал крик Мартина. Но не было больше ни паники, ни тревоги, ни чувства направления. Связь с Мастером прервалась. Не сразу Антрес понял, что это случилось потому что его старый друг погиб. Потом придет отчаяние, боль, разочарование в себе. А сейчас мир заставлял Антреса делать то, что он лучше всего умел – выживать.

«Пинту» сильно тряхнуло. Призрак еле устоял на ногах, помогли длительные тренировки, а вот Мартину повезло меньше. Он попятился назад, споткнулся о канат и едва не

свалился в бушующее море. Его успел схватить Антрес.

– Не время погибать, капитан, – своим прежним спокойным и хладнокровным голосом сказал Призрак, уводя Пинсона с носа корабля.

Мартин не мог поверить, что еще минуту назад это человек был, как младенец, ничего не понимающим и потерянным.

Антрес довел Пинсона до рулевого колеса. Старик рулевой удивленно взглянул на мужчин. Он был уверен, что больше не увидит ни одного из них.

Мартин завязал на поясе веревку, выпрямился и взглянул в глаза Антресу.

– Нам продолжать путь на запад? – спросил он, готовый если надо, выполнить любой приказ человека, спасшему ему жизнь.

– Не важно, – как-то равнодушно бросил Антрес. – Главное выведи нас из урагана.

А затем он исчез прямо на глазах у Мартина и рулевого. Призраку было плевать на секретность, что он вынужден как *alius* должен был соблюдать. Ему просто хотелось побыть одному наедине со своим поражением.

Почти неделю Антрес было не видно и не слышно. Экипаж уже было решил, что странный молодой человек, вероятно, погиб в буре. Только Мартин не сомневался, у Призрака есть причины не показываться и, когда придет время, Ан-

трес даст о себе знать.

В один день, когда «Пинта» бордо плыла на юго-восток, Мартин зашел к себе в каюту и увидел Призрака. Он сидел в капитанском кресле и казалось от скуки крутил свой кинжал.

– Здравствуй, Антрес, – сказал Мартин и неожиданно для себя понял, что он не держит на своего собеседника зла.

– Капитан, – отозвался ассасин, освобождая капитанское кресло – Извините за внезапный визит. Но я бы хотел с вами поговорить.

– Слушаю, – Пинсон подошел к своему столу.

Антрес вытащил из внутреннего кармана свернутый в трубочку документ.

– Вы выполнили свою часть сделки, и я возвращаю вам бумагу, что вы подписали, – он сказал это с подчеркнутой отстраненностью. – За судьбу «Пинты» можете больше не беспокоиться. Спасибо вам за все.

Мартин коротко кивнул, а потом внимательно посмотрел на Антреса и спросил:

– Скорей всего вы не ответите, но все же позвольте поинтересоваться, почему вам нужно было на запад и почему вдруг это перестало иметь для вас значение?

Антрес в ответ лишь хмыкнул. Ухмылка сняла с его лица маску агрессивности и суровости и показала Мартину, что в действительности протеже Виттории имеет другую стороны своей личности, что он тщательно скрывает.

– Я, пожалуй, вернусь к своим корабельным обязанно-

стям, – сказал Антрес прежде чем он покинул каюту капитана.

Как только «Пинта» соединилась с остальными кораблями, Антрес вернулся на «Нинью». Он мечтал, чтобы это путешествие закончилось как можно быстрее. Его раздражал энтузиазм и восторг, что испытывала команда. Не трогало золото и другие находки экспедиции. Он хотел вернуться домой, к Витте, в Венецию.

Путешествие Кристобаля Колоно закончилось в порту Лиссабона. Антрес сошел с корабля, даже ни с кем не прошившись. Он купил лошадь и напрямик отправился в Севилью, где его должна была ждать Витта. Призрак устал от дороги, от желания увидеть близких ему людей, от чувства собственного бессилия, от душащего его отчаяния.

Антрес сдерживал в себе все, что накопилось у него в душе до тех пор, как он увидел Витторию, как всегда прекрасную, но непривычно грустную. Он прижал девушку к своей груди так крепко как мог. И только ощутив тепло и сладкий запах ее тела, Призрак позволил себе выплеснуть свою боль. Это была неконтролируемая лавина эмоций, что поглотила Антреса. Единственное, что мог сделать ассасин – это отжаться ей до конца, позволить себе на недолгие несколько минут побыть человеком, а не бесчувственным *alius*.

Антрес так давно не испытывал таких сильных эмоций, что сейчас он практически на физическом уровне ощутил

свою душевную боль. Он самому себе казался младенцем, который, родившись, делает свой первый вдох и кричит от того, что легкие его разрываются, привыкая дышать. Вот так же и Призрак готов был кричать от собственной беспомощности, принимая свое поражение. Только присутствие Виттории успокаивало его, не позволяя сорваться и перековать свою боль в злость и агрессию.

– Витта, я хочу домой, я хочу в Венецию, – пробормотал Антрес. В его голосе была откровенная мольба, что поставила Витторию в тупик.

Но она смогла взять себя в руки. Ее Антрес нуждался в ней, как никогда прежде, и сейчас ради него нужно быть сильной.

– Все, что ты хочешь, любимый, – ответила Виттория.

18 век

Шли очередные два с половиной между пришествиями Мастера. Крайне тяжелые два с половиной века для Антреса. Он долго переживал свою неудачу, потерял Витту, участвовал в войне, долго залечивал рану, полученную при неудачном покушении. Он ждал возвращения Мастера, но уже не с тем пылом, что раньше. Призрак помнил свою боль. Все его нутро защищало его от уже пережитой душевной травмы.

Тем не менее, когда Антрес очередной раз почувствовал возвращение Мастера, он бросил все и помчался на зов. К его счастью, путь из Лондона в не столь давно построенную новую столицу Российской империи был хоть и проблемным, трудным, но относительно быстрым. Когда корабль бросало на волнах холодного Балтийского моря, Антреса мучили неприятные воспоминания, и все же он испытывал невольный трепет. Уже полтысячелетия он не видел Мастера и после смерти Виттории он впервые за долгое время испытал бездонное одиночество, которое, как он надеялся, развеет старый друг.

Зов вел его к славящему своей пышностью и праздностью двору императрицы Елизаветы Петровны. Место появления нового воплощения Мастера немного смутила Антреса. Обычно Мастер перерождался в людей незаметных, живущих далеко от бурной жизни. Тогда почему он оказался

при дворе?

Первое время Антрес ходил по дорожкам парка в Царском селе оставаясь невидимым, наблюдая за людьми, пытаюсь понять, кто из этой своры разодетых и напудренных подхалимов – Мастер. Зов играл с ним в чехарду, путал его. И в итоге Антрес был вынужден сделать то, чего он отчаянно не хотел. Он вынужден был надеть на себя парик, цветной камзол и, что большего всего его бесило, белые гетры и взял на себя роль недавно прибывшего из Германии аристократа. Слава богу, окружение императрицы с непередаваемым воодушевлением встретили гостя из Европы. Антрес много улыбался, говорил кучу чепухи. К счастью, Виттория в свое время приложила не мало усилий, чтобы привить неотесанному ассасину хорошие манеры.

Антрес постепенно сузил круг своих поисков до нескольких вельмож, на которых указывало чутье. Он понимал, самый простой способ разрешить сомнения, это показать кандидатам кинжал и посмотреть, на кого он отреагирует. Но Антрес считал этот ритуал священным, он не мог проводить его, лишь чтобы развеять свои сомнения. И он стал наблюдать за всеми тремя кандидатами, стараясь приметить те небольшие черты, что свойственны Мастеру: увлеченность каким-либо ремеслом, умение говорить на многих языках, легкая ироничность ко всему окружающему его и глубокое понимание людей.

Антресу помог случай. Один из кандидатов, камер-юнкер

Дмитрий Соболев, пригласил его к себе, чтобы обсудить с ним какое-то непонятное важное дело. Как только Призрак переступил порог дома Соболева, зов Мастера усилился до такой степени, что отзывался в голове Антреса глухим звуком. Все сомнения в миг развеялись. Наконец-то, он встретится со своим старым другом.

– Антрес, я в кабинете, – послышался крик Соболева. – Проходи.

– Уже иду, – отозвался Антрес. Он достал из-за пояса свой кинжал. Алмаз за полтысячелетия без Мастера стал сливово-черным, переспелым, как долго весящий на ветке фрукт.

Антрес вошел в кабинет камер-юнкера, держа кинжал за спиной. Со стороны, наверное, могло показаться, будто Призрак собирается убить юношу.

Соболев стоял у окна и, приподняв занавеску, наблюдал за улицей. Антрес знал, он был влюблен в девушку, что жила напротив. Как жаль, что, став Мастером, он забудет о своей возлюбленной.

– А вот и ты, – Дмитрий заметил гостя. – Присаживайся. Я приказал слуге подать нам чай.

Антрес не сдвинулся с места. Его сердце бешено колотилось. Вот он настал момент истины.

– Дмитрий, – окликнул юношу Призрак.

Соболев обернулся.

Антрес медленно опустился на одно колено и плавным движением положил перед собой кинжал. Он смотрел толь-

ко на свое оружие.

– Антрес, что происходит? – услышал Призрак вопрос от недоумевающего камер-юнкера.

А потом кинжал задрожал, будто бьющийся в лихорадке больной. Камень начинал постепенно светлеть, а кинжал вибрировал все сильнее и сильнее. Ни Антрес, ни Дмитрий не издавали ни звука, поэтому дребезжание стали по паркету погодило на весенний гром. Как только кинжал замер на полу, а алмаз приобрел свой оригинальный бело-мутный цвет, Антрес поднял глаза, с надеждой взглянул на камер-юнкера. Соболев выглядел скорее напуганным юнцом, чем человеком, которому открылась правда о себе. Минуту Антрес недоумевал. Неужели он ошибся? Такого просто не может быть, ведь алмаз отреагировал бы только на воплощение Мастера.

И тут произошло то, что развеяло все сомнения Антреса.

– Ну, вот и свиделись наконец-то, друг мой Антрес, – слышался из-за спины чей-то спокойный и уверенный голос.

Призрак резко обернулся. Позади него стоял Данила, простой парень, который частенько сопровождал Соболева на балах и ассамблеях. Вот почему Антрес чувствовал зов, находясь рядом с Дмитрием. Призрак корил себя, почему он не догадался об этом ранее. Мастер всегда возрождался в людях безвестных и даже незаметных. Почему сейчас вдруг должно быть иначе? Чем высокомерный камер-юнкер лучше, чем трудолюбивый Данила?

– Мастер? – дрожащим голосом спросил Антрес, поднимаясь с колен.

– А кто ж еще? – на полноватом лице расплылась широкая добрая улыбка.

Антрес рассмеялся. Они с Мастером обнялись, как могут обниматься только старые друзья, которые не виделись веками. Призрак до сих пор не мог поверить, что наконец-то он может поговорить со своим другом, рассказать ему о всем, что произошло с ним за последние пол тысячелетия, о Витте, о том, как он открыл новый континент, пытаясь найти его, об убитых им людях. Впервые за долгое время он чувствовал себя безоговорочно счастливым. Антрес боялся выпустить Мастера из своих объятий, думал, что он тут же испарится, как прекрасное видение.

– Не переживай, друг мой, на сей раз я пришел надолго, – Мастер словно прочитал его мысли. – Нас с тобой ждет много славных дел.

Антрес выпустил своего друга из объятий.

– Да неужели? – с иронией в голосе спросил он. – А я думал, не пройдет и года, как ты снова отправишься в небытие?

– Так просто ты от меня избавишься, – рассмеялся Мастер.

Пока Антрес был поглощен общением с другом, которого он так давно не видел, Соболев пришел в себя. Он шагнул к кинжалу, взял его в руки, попытался разглядеть золотую вязь на лезвии, алмаз в гарде. Но тут мутный камень засве-

тился изнутри теплым желтым светом. Камер-юнкер даже не испугался. Он как замороженный наблюдал, как свет становится все ярче, переходит на его руки, дарит ощущение легкости в его теле.

А потом кинжал с грохотом рухнул на пол.

Услышав резкий звук, Антрес быстро обернулся и к своему удивлению обнаружил, что Соболева нигде нет.

– Куда он подевался? – спросил Призрак, подбирая свой кинжал.

– Сработала защита кинжала, – пояснил Мастер. – Когда кто-нибудь берет в руки кинжал без твоего разрешения, он исчезает ровно на сутки. Неужели за пять сотен лет ты ни разу с этим не сталкивался?

Антрес покачал головой. Мастер удивлял его даже в тех вещах, где, казалось, ничего не может удивить – в его кинжале.

– Значит, мы пока можем посидеть здесь, – отметил Призрак. – Надо сказать, у Соболева хорошая коллекция вина.

– Я всегда любил хорошее вино, – Мастер плюхнулся на диван. – Жаль в прошлые мои два перерождения мне не удалось насладиться вкусом этого благородного напитка.

Антрес открыл бутылку, разлил по хрустальным бокалам густой кроваво-бордовый напиток.

– Расскажи мне про свое последнее перерождение, – Призрак протянул своему другу один из бокалов. – Я знаю, на новом континенте была одна дикая страна. Ее уничтожили

испанцы. Ты жил там?

Мастер рассеянно покрутил вино в бокале, наблюдая, как оно оставляет разводы на стенках.

– То было самое странное из моих перерождений, – начал он. – С того самого момента, когда я осознал, что я – Мастер, я помнил все. Так будто сработал твой кинжал. И с самого начала я знал, как мало времени у меня есть. Я должен был создать вещи всего для трех *alius*. Один из них был жрецом, который убил меня, распоров мне грудь обсидановым кинжалом, что я сделал для него, и вырвал из моей груди все еще бьющееся сердце.

Говорил он это с таким равнодушием, будто речь шла о прошедшем завтраке, а не о его убийстве. Антреса это поразило. Мастер мог быть сдержанным, спокойным, рассудительным, но никак не бесчувственным. А сейчас он казался человеком, которому действительно вырвали сердце.

– А кем были другие двое? – спросил Антрес, решая не вдаваться в откровенно неприятную для своего друга тему.

– Они близнецы – брат и сестра, – на лице Мастера промелькнула легкая улыбка, будто ему было приятно вспоминать тех двоих.

– Редкое явление, – заметил Антрес. – Я слышал о таких *alius*, но никогда не встречал.

– Действительно, – согласился Мастер. – *Alius* пробуждается в близнецах только, если оба из них живы. Сам понимаешь, в наше время это достаточно редкое явление. Те двое,

Анакоана и Чантико... славные были ребята. Добрые, порядочные, смелые. Но родившиеся не в то время и не в том месте. Я старался, как мог, защитить их жреца, который охотился на них. Ради этих двоих я даже создал свой очередной шедевр.

Услышав это, Антрес невольно поднял брови в знак удивления и восхищения. Мастер всегда крайне щепетильно относился к изготовлению шедевра. Видимо, те близнецы действительно заслужили особый подарок.

– Мне бы хотелось познакомиться с ними, – сказал Антрес. – По твоим словам, они должны быть хорошими людьми.

– К сожалению, это невозможно. Я не чувствую их в этом мире, а значит их нет в живых, – опять в голосе Мастера промелькнул невероятных холод.

Заметив это, Антрес нахмурился. *Alius* умеют ограждать себя от неприятных чувств. Антрес когда-то тоже так делал. Но после болезненной неудачи, связанной с прошлым перерождением Мастера, Призрак понял, насколько важно уметь сохранять в себе чувства и эмоции. Это помогает оставаться человеком, оставаться тем, кто умеет находить причины и силы жить дальше. И вот теперь Антрес видел, как самый мудрый и, наверное, самый старый из всех, кого он встречал, поддается этому пороку. Тем не менее, Антрес надеялся, что это еще отголоски прошлого перерождения и вскоре его старый друг придет в норму.

– Что ж прошлое есть прошлое, а мы сейчас с тобой здесь и сейчас в очередной интересной эпохе, – с нарочитой живостью сказал Мастер. – Мне предстоит много работы. И я хочу, чтобы ты был рядом. Я помню, во время нашей прошлой встречи я повел себя крайне грубо. Прости меня за это.

– Я давно простил, – отозвался Антрес, который до сих пор в глубине души ненавидел Китай. – И я рад, что ты зовешь меня с собой. Я по тебе соскучился.

На лице Мастера возникла улыбка, которая Антесу показала немного снисходительной.

– Я все понимаю. Но не бойсь, думаю, за этот раз я успею тебе поднадоесть, – шутканул Мастер. – Сначала мы разберемся со всеми делами здесь. Знаю, русские не всегда приятный народ, но зато они умеют веселиться. Так что, мой бургундский друг, можешь продолжать наслаждаться здешним двором. Не беспокойся, здесь мы надолго не задержимся. Как только я закончу со всеми местными делами, мы поедемся по Европе, а может быть и в Новый Свет заглянем. Я обещаю тебе, тебя ждет крайне интересное путешествие.

Мастер не обманул Антреса. Они прожили две зимы в продуваемом балтийскими ветрами Петербурге, а потом отправились в долгую дорогу. В некоторых местах они проводили лишь пару дней, в других задерживались на несколько лет. Наблюдая за Мастером, Антрес заметил, как жадно тот впитывал в себя новые впечатления и новые знания. Он с

восторгом отнесся ко всем открытиям человечества. Мастер даже настоял на возвращении в Россию, когда узнал, что там сейчас проживает один из величайших умов современности – Михаил Ломоносов. Ему нравилось общаться с носителями новых знаний и не всегда подверженных теорий. Порой Антресу казалось, будто он путешествует в компании безумного гения, чье внимание постоянно переключается с одной интересной вещи на другую.

Но несмотря на безумную жажду познания, Мастер много времени проводил за работой. Иногда он мастерил какие-то вещички в пути, но чаще всего ему требовалось просторное, светлое помещение, где он мог остаться один и спокойно творить. Однажды, когда они ехали в сорону Плимута, чтобы сесть на корабль, отправляющийся в Новый Свет, Мастер заметил небольшую деревенскую кузню, чем-то похожую на ту, где он впервые встретил Антреса. Ему страстно захотелось остановиться и поработать в ней. Призраку пришлось выложить не мало монет, чтобы кузнец на время оставил свою маленькую мастерскую.

Антрес следовал за Мастером с покорностью преданного пса.

Он понимал, почему его друга так тянет на странствия. Когда ты не можешь найти свое место, нет ничего лучше дороги. Когда ты не понимаешь, кто ты, только дорога поможет познать себя. Но к дороге привыкаешь. Каким бы голодным и уставшим бы ты не был, ты продолжаешь идти, не важно

куда, не важно зачем, лишь бы не оставаться на одном месте.

Антрес когда-то тоже был странником, но Витта показала ему, насколько важно иметь дом. Да, им приходилось часто переезжать из города в город, из страны в страну, но каждый раз они возвращались в их дом в Венеции. Даже после смерти Виттории Антрес продолжал заботиться о доме. Для него это было самое родное место во всем мире. Только там ему казалось, будто Витта по-прежнему жива.

Призрак настоял на их путешествии в Венецию. Он хотел показать своему другу, как хорошо, когда есть место, куда стоит возвращаться.

Мастер с большим энтузиазмом воспринял предложение отправиться в Венецию, только вот Антресу показалось, что его другу больше интересен сам город, построенный на воде, нежели дом, который Призрак считал своим.

Осень в Венеции далеко не самое приятное время года. Пронизывающие до костей холодные морские ветра, дожди, усиливающие и так царящую в городе влажность и тяжелое, свинцовое небо над головой. Тем не менее, непогода, вопреки планам Антреса, не мешала Мастеру любоваться городом. Пока они плыли на гондоле, Мастер, кутаясь обитый мехом плащ, разглядывал фасады зданий, что стояли вдоль Гранд Канала.

Гондола свернула в один из небольших притоков, который обрамляли уже не столь роскошные дома. Как только Антрес

увидел небольшой горбатый мостик, украшенный причудливой ковкой, рядом с которым находился их с Витторией дом, его сердце бешено забилося. Он так давно здесь не был.

Расплатившись с гондольером, Антрес отворил дверь и, оказавшись внутри, почувствовал себя спокойным и умиротворенным. И почему-то в тот момент Призарку вдруг стало все равно, что подумает Мастер о его доме, ведь это его личное убежище, которое, по сути, должен любить только он один.

Мастер остановился посреди гостиной и огляделся по сторонам. Интерьер дома современнику показался бы по-старомодному роскошным, но уютным. Массивные стулья из черного индийского дерева были покрыты шкурами львов. Пол и стены украшали уже начинающие темнеть от времени пестрые иранские ковры и гобелены, в которых поблескивали серебряные и золотые нити. На их фоне свежо смотрелись живые цветы, стоявшие в пузатый китайский вазах, на полупрозрачных стенках которых танцевали свой брачный танец журавли и расцветали пионы. В золотых и серебряных подсвечниках стояли не заженные пока еще свечи.

Несмотря на обилие откровенно дорогих вещей, внимание Мастера все же привлекло кое-что очень простое. На стене, свободной от ковров сиротливо висел небольшой портрет. Картина была без рамы и потому смотрелась, как случайная гостья в этом храме роскоши. Тем не менее, портрет какой-то с магической силой приковывал к себе внима-

ние. Подойдя поближе, Мастер понял, что на нем изображена бывшая хозяйка этого дома. Ее легко было узнать по длинным золотым волосам, которые были переданы художником с удивительной тщательностью и реалистичностью. Мастер не сразу заметил среди нарисованных кудрей почти сливающуюся с ними ленту, которую полтысячелетия назад он сделал для Виттории. Виттория была нарисована с удивительной простотой, но все же в точности портрета чувствовалась рука умелого живописца и, главное, его не передаваемый стиль. Чем больше Мастер вглядывался в портрет Виттории, тем ближе он находился к догадке, чьей же кисти принадлежит этот шедевр.

Антрес встал рядом с Мастером и стал вместе с ним любоваться картиной. Он никогда не уставал это делать.

– Витту часто пытались нарисовать, но она всегда противилась. Боялась, что картины могут раскрыть ее тайну. Это единственный ее портрет, – с грустью в голосе сказал Призрак. – Она разрешила нарисовать себя только этому чудокловатому флорентину... все время забываю, как там его звали.

Но Мастер догадался, кто автор, и без подсказки.

– Да Винчи, Леонардо да Винчи, – еле слышно пробормотал он, не веря, что перед ним находится неизвестный шедевр великого гения.

В глазах Мастера от восхищения в глазах загорелись огоньки. Он хотел дотронуться до холста, но его пальцы остановились буквально в сантиметре от него. Он не смел нару-

шить ауры священности, которая окружала картину.

– Я знаю, то, что я скажу сейчас, покажется немного заносчивым, но я всегда считал, что ни один человек, я имею в виду *смертный*, не сможет достичь моего уровня, – Мастер нахмурился, но продолжал смотреть на картину. – Однако достаточно часто во время моих перерождений, особенно в более древние времена, я встречал тех, кто мог сравняться со мной, пусть и не совсем. И вот я стою перед творением гения и понимаю, я вижу идеал. На котором к тому же изображена лента, что сделал я.

Потом Мастер отвернулся от картины и посмотрел Антресу прямо в глаза.

– Но там, где я вижу мягкую смену тонов, ты видишь любимую женщину, – в его голосе появилась грусть. – И я чувствую себя плохим человеком, потому что я не понял сразу же, какое значение имеет для тебя эта картина. Не в твоей натуре хранить какие-то вещи на память. Но, вероятно, ее портрет уменьшает твою боль.

Призрак тяжело вздохнул и потупил взгляд.

– Я скучаю по ней, – прошептал он.

– Я знаю, – кивнул Мастер. – Она много значила для тебя, поэтому ты и носишь ее ленту на своем предплечье.

Антрес ничего не ответил. Лента на руке – он считал это слабостью. А в слабостях Призрак меньше всего любил признаваться.

– Она умерла у меня на руках. Так же, как когда-то умер

ты. Для многих людей я становился последним человеком, которого они видели в жизни. И я воспринимал это, как нечто нормальное. Но когда умирает близкий тебе, все совсем по-другому. Поэтому так важны вещи, которые Витта так любила.

Мастер снова взглянул на портрет Виттории. Да, Антрес много рассказывал об ней, но до того, как Мастер увидел эту картину, он не понимал, какая на самом деле эта золотоволосая красавица и что она сделала для Призрака. Он закрыл глаза и вспомнил ту темную безлунную ночь в Китае, когда он расшивал ленту нежно-розовыми лотосами. И вот теперь, глядя на свое творение на портрете Леонардо, Мастер понял, что он должен кое-что сделать.

Он повернулся к своему другу и сказал:

– Дай мне, пожалуйста, ленту Витты.

– Зачем? – нахмурился Антрес, всегда ревностно относившийся к тому немногому, что осталось у него от Виттории.

– Просто дай, – на лице Мастера возникла легкая улыбка.

Призраку пришлось снять с себя куртку и рубаху, чтобы выполнить просьбу друга. Он развязал тугий узел, от которого на тонком шёлке появились некрасивые заломы. Антрес протянул ленту Мастеру.

Мастер вернул ленту несколько дней спустя. Антрес долго вертел ее в руках прежде чем заметил, что на стороне

свободной от цветочных узоров появилась новая вышивка – арабская вязь, точно такая же, как и на его книжале. Сделанная золотой нитью, она была еле заметна на ткани того же цвета.

– Зачем ты это сделал? – холодок в голосе как нельзя красноречиво подчеркивал то, что Антрес зол.

– Я хотел в это свое перерождение сделать какую-нибудь вещь для тебя, что-нибудь новое, – Мастер заговорил спокойно, стараясь не подкидывать хвороста в огонь тех чувств, что испытывает сейчас Призрак. – Однако здесь, в этом доме, взглядевшись в глаза прекрасной девушки с картины, я увидел, что тебе действительно нужно. Ты прожил семь с половиной веков, много даже по меркам *alius*. И, тем не менее, ты с какой-то маниакальной настойчивостью держишься за привычные тебе вещи. Начиная от твоего занятия и заканчивая этим домом. И я вижу, как, ты скучаешь по своей женщине. Я не могу вернуть ее, но я могу вернуть ее *alius*. Если ты станешь невидимым, и на тебе будет ее лента, твой голос приобретет ту же силу, что и голос Виттории.

Антрес молчал. Его терзали противоречивые чувства. Он понимал, Мастер нанес новую вышивку на ленту Виттории исключительно с самыми чистыми намерениями, но тем не менее его душила злоба на своего друга из-за того, что он испортил вещь, которая принадлежала женщине, которую он любил.

Молчание Призрака было красноречивей любых слов. Да-

же его неподвижность говорила о многом.

Наблюдая за своим другом, Мастер вдруг осознал, что впервые в жизни, создав одно из своих творений, он совершил ошибку. Ошибку, которая может стоить ему дружбы с человеком, который оставался преданным ему на протяжении семи с половиной веков.

– Прости, – растерянно пробормотал Мастер. – Прости меня, пожалуйста. Я не должен был...

Антрес не хотел слышать, как его друг беспомощно лепещет пустые слова извинений. Он положил руку Мастеру на плечо, прося тем самым его замолчать. Призрак поднял на него свой обычный тяжелый и холодный взгляд.

– Я думаю, нам пора снова двинуться в путь.

И, как всегда, дорога помогла забыться. Она помогла заглушить не малую обиду, что терзала душу Антреса. Впервые за свою длинную жизнь у Призрака возникли сомнения по поводу того, кто для него Мастер. Он всегда считал, что нет никого важнее его старого друга, который много лет назад дал ему цель, благодаря которой Антрес обрел жизнь, вместо жалкого, пусть и очень долгого существования. Призрак не мог себе даже представить, что было бы с ним, если бы он много лет назад, убегая от погони, не встретил Мастера.

Однако каждый раз, снимая с себя перед сном рубаху, взгляд Антреса невольно подал на золотую ленту, повязан-

ную на его предплечье, и его сердце сжималось от боли, потому что за сто лет, что прошли со смерти Виттории, горечь утраты не прошла.

Увы, Антрес не сознавал, насколько печально то, что семь с половиной веков он сроднился всего с двумя людьми. И если бы он это понял, ему не пришлось мучить себя до самой смерти Мастера тем, кто из них двоих для него важнее.

Мастер умер во сне, приятной смертью вдоволь нажившегося человека. Он не стал предупреждать Антреса или же оставлять ему прощальную записку. Мастер видел, время, которое по идее должно закалять людей, научило Призрака крайне тяжело воспринимать каждую потерю. Он не хотел, чтобы Антрес мучил себя подготовкой к его уходу, поэтому Мастер и смолчал.

Обнаружив по утру уже остывающее тело Мастера, Антрес совершенно не удивился. Чутье уже несколько месяцев подсказывало ему, что уход друга близок, просто по каким-то своим причинам он не хочет поднимать этот вопрос.

Призрак перевернул тело Мастера на спину, сложил ему на груди руки и внимательно взгляделся в побледневшее лицо человека, к которому он так привык за последние два десятилетия.

– До встречи, друг мой, – с грустью в голосе пробормотал он. – Скоро увидимся снова.

Антрес устроил Мастеру скромные похороны, которые до боли напомнили ему похороны Виттории. В тот момент, когда оказалось, что нет их обоих, Призраку вдруг стало совершенно все равно, кто из них двоих для него важнее. Теперь, когда они оба ушли, Антрес, как никогда был силен в своем желании жить дальше. Потому что это нужно Мастеру. Потому что этого хотела Виттория. Потому что он сам не видел другого пути.

20 век

Очередной раз Антрес почувствовал возвращение Мастера тогда, когда он мчался по Нью-йорскому хайвею на своем ярко-красном Дукати. Двадцатый век внес не мало изменений в жизнь Призрака. В частности Антрес, никогда особо не любивший лошадей, вдруг проникся к их стальным аналогам.

Он легко лавировал в потоке, не сбавляя скорости даже на крутых поворотах и вызывая лютую ненависть у менее рискованных водителей. Как ни странно, но именно мотоциклы вызвали в нем, человеке, прожившем более тысячи лет, страстное желание ощущать кайф от адреналина в крови. Это было безусловно влиянием того по своему сумасшедшего времени, но для Антреса, привыкшему действовать осторожно и предусмотрительно, быстрая езда стала своего рода разрядкой. Такие навыки, присущие ассасину, как выдержка и умение сохранить спокойствие в любой ситуации, сделали из Призрака первоклассного водителя.

Поэтому, когда пришло чувство, говорившее о возвращении его старого друга, Антрес просто прибавил газа и, подрезав здоровенный грузовик, свернул на трассу, которая должна была привести его в ближайший аэропорт.

Антрес вошел в JFK и проследовал прямо к табло с расписанием вылетов. Остановившись у огромной доски, где с

характерным шумом менялись таблички с названием городов, куда улетали самолеты, Призрак закрыл глаза и прислушался к своим ощущениям. За последние два с половиной столетия человечество много узнало о своей планете, и теперь Антрес отлично себе представлял себе карту мира и мог сопоставить свои ощущение с координатами на карте.

Предыдущие три раза Призрак допускал пусть и небольшие, но ошибки, пытаясь определить точное местонахождение Мастера. Однако на сей раз, открыв глаза и еще раз взглянув на табло, он точно знал, куда ему лететь. Его путь снова лежал в Азию. Не в Китай, который он до сих пор недолюбливал. Гораздо южнее.

Антрес купил билет до Сингапура, рассчитав, что это наиболее удобная точка для более точного поиска. И, действительно, прибыв в туда, Призрак сразу же понял, где именно он найдет Мастера.

Прибыв на пустынный, похожий на идеалистичную картинку из глянцевого журнала пляж, посреди которого стояло скромное бунгало, Антрес сразу же заподозрил неладное. Кроме зова Мастера, он испытывал более знакомое и частое встречающееся ему по жизни чувство – ощущение того, что рядом находится другой *alius*. Призрак нахмурился. Его инстинкты профессионального убийцы начали постепенно пробуждаться от ожидания некоей опасной ситуации. Находясь на стороже, Антрес, тем не менее, не стал доста-

вать свой кинжал, который висел у него на спине на поясе.

Ассасин направился напрямиком к бунгалу, зная наверняка, что Мастер там. Он вошел в этот бедный, скромный дом, где слегка попахивало плесенью, не стучась. Несмотря на ясный солнечный день, внутри царил легкий полумрак, но все же Антрес без труда заметил сидящего на полу человека. Он был очень худ, даже, как теперь стали говорить, анорексичен. Его волосы были взбиты в длинные неухоженные дреды. В носу и брови красовалось по сережке. Человек что-то строгал из дерева.

Антресу хватило всего минуты, чтобы понять: перед ним не просто Мастер. Перед ним пробудившийся Мастер.

– Ну, здравствуй, друг мой, – отнюдь не добро сказал Антрес.

Человек на мгновение замер, а затем поднял голову и посмотрел на Призрака. Его взгляд был вполне типичен для Мастера: отстраненный, грустный, от того, что он знает больше, чем хотел бы, но любопытствующий.

– Антрес, – растягивая каждый звук произнес он. – Куда бы меня не закинуло провидение, ты всегда меня находишь. Приятно осознавать, что есть вещи, которые не меняются.

– Так и есть. Ты в курсе, здесь есть кто-то еще, – твердо сказал Призрак, не обращая внимания на слова Мастера. – Другой *alius*.

Мастер тяжело вздохнул и вновь принялся строгать. Сейчас он походил на того, кто понимает, сейчас начинается си-

туация, которую он хотел бы избежать любой ценой.

– Я полагаю, ты можешь выходить, Серхан, – чуть повысив голос, сказал Мастер, не отвлекаясь от работы. – Некоторые вещи так сложно скрыть от прожившего тысячу лет.

Из задней комнаты неспешно вышел юноша. Внешне он очень сильно походил на Антреса: тоже араб, тоже с простым, но в целом привлекательным лицом, тоже производит ощущение сильного и ловкого человека. Сперва Призраку показалось, он видит более юную версию себя, однако была одна вещь, которую Антрес быстро заметил, что делала их очень разными.

– Что здесь делает пророк? Он тебя выследил? – в голосе Призрака послышались нотки угрозы. – Мне с ним разобраться?

– Как ты понял, что я пророк? – спросил Серхан, не принявший угрозы ассасина всерьез.

Антрес редко позволял себе демонстрировать другим *alius* свой возраст и вызванную им силу и мудрость, однако юноша, что стоял за спиной Мастера, настолько сильно не понравился Призраку, что тот счел возможным поступиться на сей раз своими принципами.

– За свою жизнь я повидал не мало пророков, мальчик. В их глазах всегда отражается время. Ты не исключение.

Серхан как-то не определено кивнул.

Мастер продолжал работать над какой-то деревянной вещичкой, не обращая внимания на происходящее вокруг. Ан-

тресу все больше и больше не нравилась складывающаяся ситуация.

– Мастер, – повысив голос, обратился к своему другу Призрак. – Объясни, что здесь происходит? Почему тут находится пророк?

На сей раз худой человек заговорил, не отрываясь от работы. Это как нельзя более красноречиво подчеркивало его безразличие ко всему происходящему.

– Я думал, ты поймешь, – разочарованно пробормотал он. – Ну, или хотя бы будешь готов к тому, что такой момент рано или поздно настанет.

– О чем ты? – растерялся Антрес. Теперь все начало казаться ему каким-то сюрреалистичным сном.

– Ты больше ему не нужен, идиот, – презрительно хмыкнув бросил Серхан, наконец-то показавший свою мерзкую натуру тирана, которому доставляют удовольствия страдания других людей. – Ты выживал тысячу лет, но настали другие времена. В них тебе нет места ассасин. Будущее, оно не для тебя. Оно для таких, как я.

Антрес отказывался верить в то, что говорил этот самодовольный юнец, ведь каждое его слово было наполнено ненавистью, вызванной не чем иным как завистью. Призрак снова посмотрел на Мастера. Его поразило его спокойный и невозмутимый вид. Будто не было последних четырех перерождений, будто Антрес ничего не сделал для него во время них.

– Я хочу услышать это от тебя, – сказал Призрак. – Если

для тебя больше не имеет значения все, что я сделал для тебя, если я тебе больше не нужен, скажи мне об этом сам. Мне в лицо. Не прячься за устами пророка.

Мастер покачал головой, откладывая в сторону на половину готовую фигурку.

– Не я нуждался в тебе все эти века, друг мой, а ты во мне. Ты превратил всю свою жизнь в бесконечное ожидание меня. Тысячу лет назад, я думал, что делаю тебе услугу, давая тебе первый стимул к жизни. Шли века, а ты даже и не пытался найти другой смысл, кроме меня. Я думал, ты переклочишься на Витту, женщину, которая без памяти тебя любила, но ты дважды бросал ее, когда возвращался я. Ты самый старый *alius* из ныне живущих. И мне страшно сознавать, что без меня в своей жизни, ты будешь просто заблудшей душой. Я знаю, сейчас я разрушаю весь твой мир. Все то, к чему ты привык за столетия. Я поступаю так исключительно потому, что я признателен тебе за все, что ты сделал для меня.

Антрес стоял, как вкопанный. Каждое слово Мастера было подобно для него удару хлыстом по обнаженной спине. Он не понимал, что изменилось и с их последней встречи и почему его друг (да и друг ли уже теперь?) вдруг решил прогнать его. Призрак не понимал и все же он видел, смысла спорить с Мастером нет. Любое решение Мастера всегда было окончательным. И единственное, что оставалось сейчас Антресу – это просто его принять, а потом и смириться.

Он еще раз посмотрел на своего бывшего друга, надеясь, что тот заметит его расстроенный, поникший взгляд, а потом, не сказав ни слова, растворился в воздухе. Призрак не хотел, чтобы Мастер видел, как он покидает его дом, как бродячий, никому не нужный пес.

Прошло несколько минут с тех пор, как Антрес исчез. Серхан обошел Мастера, встал над ним и посмотрел, как смотрит хозяин на своего слугу.

– Это было впечатляюще, – признал он. – Сурово, жестоко, но впечатляюще.

– Я сделал все так, как ты хотел, – грустно произнес Мастер. – После того, что я сказал Антресу, он станет избегать встреч со мной, и не будет лезть в твои дела. Поздравляю, ты только что нейтрализовал самого опасного своего противника, а я потерял единственного друга, что у меня был.

– Ты сделал это, чтобы спасти ему жизнь, – напомнил ему Серхан.

Мастер тяжело вздохнул.

– Спас. Или может разрушил.

Антрес брел неведомо куда, ничего не соображая. То, что еще час назад, казалось ему основой его жизни, оказалось развеивающимся на ветру пеплом. Антреса это вгоняло в панический ужас. Впервые в жизни он ощущал пустоту. Её величество пустоту. О ней он много слышал от других *alius*. И

вот теперь, столкнувшись с ней лицом к лицу, Призрак не знал, что делать.

Антрес долго наблюдал, как яростно с пустотой боролась Виттория, посвящая себя то наукам, то искусству, то соблазнению сильных мира сего. Даже любовь к Призраку не спасала ее. Он не знал, как в итоге у нее все получалось, и жалел, что за те пять сотен лет, что они были вместе, он так и не смог этого узнать.

Призрак сел на песок у самой кромки моря. Ленивые волны неспешно подкатывались к берегу, моча его ноги. Антрес наблюдал за незамысловатым танцем вод и пены, стараясь не замечать, что он дрожит всем телом.

Ему было очень страшно. Страшно от неизвестности и собственной беспомощности. Антрес чувствовал себя слабаком. Он – ассасин, наемный убийца, чья рука никогда не дрогнет. И вот он сидит и дрожит, как ребенок, не в силах взять себя в руки и успокоиться.

Вместе с пустотой пришло и мрачайшее чувство одиночества. В его жизни было до боли мало близких ему людей. И Мастер, точнее вечное его ожидание, веками вселяло в Антреса веру, что он еще кому-то нужен. Теперь же, когда старый друг прогнал его, он остался один в этом мире. Совсем один. Проживший долгую жизнь, бессмертный и одинокий. Антресу подумалось, а если он умрет, здесь и сейчас, на этом идеально красивом пляже, это кто-нибудь заметит?

Призрак достал из-за пояса свой верный кинжал, с тоской

взглянул на кроваво-красный камень. Он направил лезвие на себя. Кинжал ходил ходуном в его дрожащих руках.

«Ну, давай же, успокойся! – приказывал себе Антрес. – Это твоё последнее убийство. Так пусть оно будет таким же идеальным, как и все прошлые».

Но рука продолжала его не слушаться.

Антрес смотрел на блестящее лезвие кинжала, как на своего соперника, которого надо одолеть любой ценой. Только это была тяжелейшая борьба за всю его жизнь, потому что она была не на кулаках, она творилась внутри себя.

И Антрес ее проиграл.

Призрак со злостью отшвырнул от себя кинжал, вина своё оружие в том, чего не смог сделать он сам.

И тут из глубин его сознания послышался ласковый и тихий голос Виттории:

«Антрес, милый, ищи».

Призрак резко вскочил на ноги, огляделся по сторонам.

– Витта! Ты здесь? – сейчас Антрес был готов поверить во все, в том числе и в то, что с ним разговаривает девушка, которая умерла четыре века назад.

«Антрес, ищи», – повторила Виттория

– Искать? Витта, но что? – закричал в ответ Призрак.

«Я не знаю, милый. Хотела бы знать. Но важен сам поиск»

– Ты сама что-то искала всю жизнь. И что в итоге нашла?

Послышался мелодичный смех Виттории, который окончательно убедил Антреса, с ним говорит его возлюбленная.

«Глупый, я нашла тебя. Не важно кого или что ты в итоге найдешь, кому или чему решишь посветить себя. Главное – ищи. Это поможет».

Антрес безвольно покачал головой.

– Витта, я не смогу. Просто не смогу.

«Мужчина, которого я любила, смог бы», – нежно прошептала Виттория.

Антрес простоял несколько минут, ожидая, что Витта скажет ему что-нибудь еще, но девушка, казалось, уже сказала ему, все, что хотела.

Это странное видение вызвало в Призраке много воспоминаний хороших и грустных. И все же, он стал чувствовать себя лучше. Пустота никуда не делась, но теперь она, как прирученный волк, сидела на привязи.

Антрес подошел к своему кинжалу, поднял его, сдул пылинки и вернул его обратно в ножны. Верное оружие то не будет лишним в его поисках.

Антрес неспешно побрел прочь с пляжа.

Его ждала долгая дорога, но, вступая на нее, Призрак знал, даже если этот путь будет вечным, он будет не напрасным.

2011-2012

В оформлении использована фотография, сделанная автором.